

Савитри

Предисловие

«Савитри» начиналась как повествовательная поэма умеренной длины, содержание которой основывалось на легенде, рассказанной в «Махабхарате». Постепенно насыщая содержание поэмы своим собственным духовным видением, Шри Ауробиндо превращает «Савитри» в масштабное эпическое произведение. Он поясняет: «Я использовал поэму как средство для духовного восхождения: начинал её писать, находясь на определенном ментальном уровне, а когда достигал более высокого уровня, то переписывал её... Фактически, я считал «Савитри» не завершенной поэмой, но полем эксперимента, который позволяет увидеть, насколько далеко может продвинуться поэтическое творчество, основанное на меняющемся собственном йогическом сознании писателя...».

Вкратце говоря, «Савитри» приобрела нынешний образ, пройдя через три главные фазы.

1. До 1920 года Шри Ауробиндо создал несколько черновиков повествовательной поэмы, пересказывая изначальным образом историю Савитри и Сатьявана. Последняя версия состояла по плану из восьми книг в двух частях, причем книги не были разделены на отдельные песни.
2. В 1930 году он преобразовал повествовательную поэму в эпическую. Долгое время он концентрировался на описании Йоги Ашвапати, предваряющей рождение Савитри. К 1945 году он создал новую первую часть, содержащую три книги и множество песней.
3. В третьей фазе помимо переделки для публикации первой части он переработал и расширил большинство книг, написанных в первый период. Он добавил книгу о Йоге Савитри, создав в общей сложности 12 книг и 49 песней, и завершил части вторую и третью.

Таким образом, процесс написания поэмы продолжался до 1950 года, то есть вплоть до его смерти. Изначально поэма была достаточно короткой и не требовала разделения её на книги и песни. Разделы были отделены друг от друга только пустой строкой. В дальнейшем поэма пересоздавалась несколько раз. Некоторые книги были переработаны неоднократно. К другим Шри Ауробиндо едва прикасался. В окончательном варианте «Савитри» содержит 23837 строк.

Следует добавить, что для понимания поэмы необходимо также располагать знаниями и терминологией, характерными для литературы Индии. Чтобы облегчить это понимание, текст поэмы на русском языке снабжен сносками с примечаниями переводчика, раскрывающими смысл упоминающихся в поэме пассажей и слов.

Отдельно нужно остановиться на имени одного из главных персонажей поэмы – на имени Ашвапати.

«Ашвапати – переводится как Господь или Бог Лошади (в поэме - человеческий отец Савитри), Бог Тапаси, концентрированная энергия духовного стремления помочь нам подняться из смертного состояния к бессмертным планам».

Мы знаем, что в Ведах образ Лошади символизирует энергию. У всех нас есть Лошадь внутри нас, и обычно мы не полностью контролируем её. Ашвапати – бог, мастер своих энергий, и он может направлять их на осуществление своих целей и стремлений. В беседах с учениками Шри Ауробиндо говорит: «Ашвапати, отец Савитри – это Бог Энергий... Ашвапати – Йогин, который ищет средства, чтобы вывести мир из неведения».

«Ашвапати – это Шри Ауробиндо?»

Вот что пишет Шрадхаван, которая много лет ведет в Ауровиле «Дом Савитри» и занятия, раскрывающие смысл этой поэмы: «В комментариях к поэме уже стало почти

обычным явлением считать, что Йога Ашвапати, о которой рассказывается в Первой части поэмы, видится всеми как духовная автобиография самого Шри Ауробиндо. Так же как последователи Йоги и любящие поэму идентифицируют Савитри с Матерью. Шри Ауробиндо идентифицируется с Ашвапати – этим великим воплощением концентрированной энергии, йогическим устремлением к освобождению нашего мира... Тем не менее, я думаю, что нам следует избегать слишком буквально делать такую идентификацию... Ашвапати - аспект Шри Ауробиндо, а эта поэма является продуктом сознания Шри Ауробиндо, основанном не на воображении, а на его духовном опыте, и очень многое соотносится с тем, что касается Ашвапати в поэме, и тем, что открыл Шри Ауробиндо в своей собственной садхане».

Часть 1

Книга первая КНИГА НАЧАЛ

Песнь первая РАССВЕТА ЗНАК

- Это был час до пробуждения Богов.
Путь преграждая божьему Явлению,
Огромный Ночи дух - несчастья предвестник,
Единственный во мраке Её храма вечности,
5. Лежал без всякого движенья, распростираясь на краю Безмолвья.
Была почти неразличима, непроницаема, темна
Пучина Бесконечности бесплотной
Во мрачных знаках слепого созерцанья Ночи;
Бездонное Ничто заполонило мир.
10. Вдруг пробудившаяся сила «я», сошедшая на нет
Меж первым и последним своим Небытием,
Взывая к сумрачному лону - истоку своему,
Из таинства непостижимого рождения
И медленного умирания проснулась
15. И страстно захотела достигнуть завершения в пустом Ничто.
Там, в темноте первопричины сущего всего,
Обличье Неизвестного немое и непроявленное в форме,
Которое извечно повторяет несознательное действие
И бесконечно продлевает слепую волю,
20. Баюкало вселенскую дремоту незнающей ответов Силы,
Чей творческий порыв, разбуженный, зажечь способен солнца
И жизни наши в сомнамбулическом кружении нести.
Наперекор гигантскому, пустому трансу этого Пространства,
Его оцепененью, хаосу без мысли и без жизни,
25. Как тень, кружащая в бездушной Пустоте,
Отброшенная вновь в бездумные виденья,
Земля вращалась в одиночестве, покинутой в пустынных безднах,
Забыв свой дух, свою судьбу забыв.
Бесстрастны были небеса, безлики, тихи и пустынны.
30. Затем в непостижимой темноте зашевелилось что-то;
В той тьме движенье смутное, невероятная Идея,

- Настойчивое нечто, безо всякой цели, неудовлетворенное,
Желающее быть, но как того достичь не знающее вовсе,
Дразнило Несознание, чтоб Неведенье рассеять.
35. Та судорога, что пришла, оставила дрожащий след,
Неутоленному и старому желанью место предоставив,
Чтобы оно смогло в тиши безлунного подвала подсознания,
Поднять свою главу и свет искать, отсутствующий там,
Закрытые глаза пропавшей памяти напяречь пытаясь,
40. Как тот, кто ищет «я» свое былое,
Но лишь встречает одни останки своего желания.
И было это так, как если б во глубине Ничто,
В самом ядре его предельного распада,
Скрывалась некая себя непомнящая сущность;
45. Живой она осталась в убитом и погребенном прошлом,
Приговоренной, чтоб восстановить усилие и боль,
Ожив в еще одной вселенной несбывшихся надежд.
Сознание без формы возжелало света,
А провидение пустое стремилось к отдаленным изменениям.
50. Как будто детский пальчик, коснувшийся щеки,
Напомнил о постоянной потребности в еде
Вселенской Матери, внимание к ребенку потерявшей;
Простор угрюмый охватило страстное желание младенца.
Вот, незаметно где-то была пробита брешь:
55. Трепещущего цвета линия одна, большая,
Как смутная улыбка, влекущая заброшенное сердце,
Тревожила далекий край туманного сна жизни.
С другого края беспредельности прибыв,
Глаз божества проглядывал из тех немых глубин;
60. Посланником разведки солнца казался он
Средь плотного вселенского покоя,
Скучающего мира и оцепенения застоя;
Пришел искать он дух покинутый и одинокий,
Упавший слишком низко, чтобы вспомнить забытое блаженство.
65. И вклиниваясь в космос, лишенный мысли,
Его послание вползло сквозь тишь глухую,
Взывая к приключению сознания и к радости,
И, покорив разочарованную душу той Природы,
Принудило добиться вновь согласия осязать и видеть.
70. Так мысль была посеяна в беззвучной Пустоте,
И чувство рождено в глубинах темноты,
И в сердце Времени затрепетала память,
Как если б душу, что давно мертва, подталкивали к жизни:
Но то забвение, которое приходит вслед падению,
75. Покрыло пятнами исписанные сплошь таблички прошлого,
И нужно было всё разрушенное вновь восстановить,
И скрупулезно проработать старый опыт ещё раз.
Всё можно сделать, если есть прикосновение бога.
Надежда проскользнула там, где не осмеливалась быть,
80. Среди покинутого безразличья Ночи.
И как просящий во враждебном мире,
Осиротелый, изгнанный отыскивать пристанище,
С изяществом опасным, инстинктивным,

- Как странствующее чудо без собственного дома,
85. В укромный закоулок неба пришел
Неясный зов неспешного чудесного движенья.
Настойчивая дрожь творящего прикосновенья
Сдавила тот покой инертный, чёрный,
И красота, и чудо разбередили божьи небеса.
90. Блуждающая кисть неяркого чарующего света,
Что озарила блеклый край мгновенья,
Скрепила рамой золотой с мерцающим на ней шарниром
Врата мечтаний, приоткрытые у тайны на границе.
Один сверкающий просвет, раскрывший спрятанную суть,
95. Заставил различить завуалированную необъятность мира.
Тьма пала, соскользнув, словно спадающий покров
С лежащего под нею тела бога.
Затем сквозь бледный крошечный разрыв, казавшийся сначала
Едва достаточным для струйки крохотной, от солнц идущей,
100. Излилось откровение и пламя.
Короткий вечный знак вновь свыше проявился.
Чарующая сила из миров недостижимых,
Послание бессмертного неведомого Света,
Радужное, с сияньем лучезарным невидимого Бога,
105. Пылающее на трепетной границе этого творенья, -
Рассвет создал свеченье изумительных оттенков,
Посеяв семена великолепия в те часы.
И воссияло божество - мгновенья посетитель.
На тонком крае жизни Видение на миг остановилось,
110. И наклонилось, над погружённым в думы и изогнутым дугою лбом земли.
Передавая сложную для понимания красоту и счастье
Мистического смысла иероглифами цвета,
Оно писало строки несущего значение мифа,
Рассказывая о величии рассветов духа
115. Сверкавшим шифром, начертанным на небе в качестве листа.
Почти в тот час раскрыто было откровение,
Откуда наши мысли и надежды нисходят этими сигнальными огнями;
И одинокое великолепье незримой цели
Было почти заброшено на темень Пустоты бездушной.
120. Свободные Просторы ещё раз нарушил звук шагов;
Безбрежья центр, Лик блаженного покоя
Бессмертные приподнял веки, которые распахивают небеса;
И очертание чьё-то из блаженств далеких приблизилось.
Посланица от вечности к грядущим измененьям,
125. Богиня, знающая Всё, склонила голову свою над ширью,
Охватывающей звёзд маршруты, предопределённые судьбой,
И обнаружила пространства, пригодные для ног своих.
Разок она взглянула на солнце за своей спиной,
Затем с вниманием к работе вечной приступила.
130. Земля вплотную ощутила ход Вечности:
Ухо Природы, пробудившись, услышало шаги Богини,
И ширь земная к ней обратила свой безграничный взгляд -
Была посеяна в глубинах запечатанных Ее улыбка светлая,
И, вот, она зажгла огнем безмолвие миров.
135. Всё стало неким посвященьем, ритуалом.

- Вибрирующей связью меж небом и землей стал воздух;
Ширококрылый гимн священнических труб
Возник и опустился на алтарь холмов;
Ветви дерев в молитве обратились к откровениям небес.
140. И здесь, где стороной неведение обходит бездны в полусне,
Которые лежат в немой груди земли, сомненьями окутанной,
Здесь, где никто не знает наперед последствий ход,
А Истина поставила свой трон на призрачном фундаменте сомнений этих,
На этом поле тяжкого труда мучительном и ненадёжном,
145. Простёртая под неким широчайшим неподвзятым взглядом,
Как беспристрастная свидетельница радостей людских и бед,
Земля в смирении несла дающий пробуждение луч.
Здесь слабый свет видения, пророчества
Как чудо воссиял в обычных формах, лишённых всякой цели;
150. Затем божественное откровенье, истаяв в мире смертном,
Став лишним и умолкнув, отстранилось.
Не полностью исчезло жаркое стремление его,
Перед Присутствием и Силой преклонение святое,
Предвиденье чудесного рождения, что должно прийти -
155. Такое совершенное не может быть у смертью ограниченных сердец.
Совсем недолго свет бога может в этом мире пребывать:
И, озаряющая образ человека, красота души
Очерчивала страсть свою и таинство Материи личины
И рассыпала вечность в мгновеньях Времени.
160. И, вот, когда душа приблизилась к рождения порогу,
Что разделяет время смертных с Безвременьем,
А искра божества, утратившая в тайнике Материи
Свой блеск, исчезла в неосознающих планах,
Весь этот преходящий жар магического пламени
165. Тотчас растаял в атмосфере, привыкшей к свету.
Послание иссякло, и посланник убыл.
Тот одинокий Зов, та необщительная Сила -
Назад Она убрала в некий дальний тайный мир
Небесного луча цветное чудо:
170. Богиня отвела свой взгляд от мира смертных.
Богатство красоты, естественное для богов,
Едва ли сможет утвердиться в глазах того, чей век недолог;
Таинственное слишком для космических владений
Божественное тело Славы было удалено с небес:
175. Диковина и чудо – Она покинула сей мир.
И стал обычный свет земного дня.
Освободившись от отсрочки на усталость,
Вновь шум быстротекущей Жизни,
Кругами стал расходиться в исканиях Её слепых.
180. Все кинулись к своим обыденным делам;
Те тысячи людей на всей земле
Повиновались импульсам непредсказуемых мгновений.
И человек – здесь главный - с его изменчивым умом,
Единственный, кто пристально глядит в сокрытый лик грядущего,
185. Ввалил на плечи ношу своей судьбы.

Савитри тоже пробудилась среди тех людских племен,

- Которые примкнуть спешили к чудесной песне Глашатая небес
И, соблазнившись красотой видимых путей,
Излили громко свою долю эфемерного восторга.
190. Сродни той вечности, откуда вышла,
Она участия не принимала в восторгах этих;
Не отзывался Гость внутри нее, обретший тело -
Могущественный странник в мире человеческом молчал.
Зов этот, что пробуждает в человеке скачки воображенья
195. И страстный переменчивый мотив погони,
Иллюзию желанья, окрашенную дрожью,
Явился в её сердце сладкозвучной чуждой нотой.
Не для Савитри было посланье Времени в мгновеньях света.
Внутри нее было страдание богов,
200. На время в нашу человеческую форму заключенных,
Бессмертье, побежденное материальной смертью.
Бескрайняя Природы радость однажды ей уже принадлежала,
Но не смогла она надолго удержать её небесно-золотистый цвет
Или оставить жить её на этой хрупкой земной основе.
205. Движение малое в глубокой бездне Времени,
Непрочную ничтожность жизни, отрицающую силу,
И широту осознающую и гордую вместе с блаженством
Она в отлитый образ человека привнесла с собой, добавила
Восторг невозмутимый, что соединяет душу одного со всеми,
210. Прибавила ключ к пламенным дверям восторга.
Земли крупица, которая нуждается в живице слез и радости,
Отвергла благо вечного восторга:
Свой цветоцвет любви, судьбы она отдала,
Что был вручен ей - безграничья дочери.
215. Напрасной оказалась сейчас эта прекраснейшая жертва.
Своей божественности драгоценной щедрость,
Саму себя, всё, чем была, она вручила людям в услуженье,
Надеясь существо свое возвышенное в них вживить
И приспособить к жизни в их телах всё то,
220. Что небеса могут естественно взрастить на смертной почве.
Непросто это - к изменению земной природы людей склонить;
Смертные с болью переносят прикосновение вечности:
Они страшатся чистой нетерпимости небес,
Атаки их эфира и огня;
225. Они ворчат на счастье беспечальное свое,
Почти что с ненавистью отвергают свет, который им приносят боги;
Они дрожат от силы их обнаженной Истины,
От свежести и мощи ничем не ограниченного Голоса небес.
Накладывая бездн закон на выси те,
230. Они пятнают грязью этой посланников небес:
Шипы природы падшей - та защита,
Что обращают смертные против спасительных рук Милости;
И Бога сыновей они встречают смертью и болью.
А слава озарений, пересекающих земную сцену,
235. Их гаснущие солнца-мысли - всё померкло от несведущих умов,
Работа предана, добро обращено во зло,
Они лишь крест воздвигли – вот их плата за величье,-
Оставив позади всего одно прославленное Имя.

- Огонь уже пришел, коснулся человеческих сердец и убыл;
240. Лишь часть людей то пламя подхватила и обратилась к высотам жизни.
Мир слишком непохожий пришла улучшить и спасти Савитри,
Его несведущую душу тяготило ее величье,
И из туманной бездны мира пришел ответ ужасный,
Как отголосок той борьбы, падения и горя.
245. Жить вместе с горем и смерти смотреть в лицо Савитри предстояло,
И участь смертная уделом стала ее Бессмертья.
Таким путем попавшая в капкан земных судеб,
Покинутая счастьем, присущим от рожденья ей,
Земное одеяние темной жизни примеряя,
250. Скрывая суть свою даже от тех, кого любила,
Свершившегося часа тяжелых испытаний ожидая,
Божественность возрастала человеческой судьбой.
Разъединило мрачное предвиденье её
От всех, кому была Савитри сияющей звездой, опорой;
255. Столь сильную опасность и такую боль делить с другими невозможно,
То горе, что должно прийти, она таила в своих израненных глубинах.
Как тот, кто наблюдает за людьми, слепыми от рожденья,
И взваливает ношу расы, не осознающей это, на себя,
Прибежище врагу давая, которого должна питать своей сердечной мукой,
260. Лицом к лицу она предстала пред неизвестными делами и судьбою,
Не ожидая помощи, пришлось ей ужас испытать, и бросить вызов, и предвидеть.
Давно пришло предсказанное, роковое утро,
С собою принеся вослед обычный будний полдень.
Природа следует вперед, могущественный избирая путь,
265. Не обращая совсем внимания на то, что разбивает жизнь иль душу;
И умерщвленных оставляя за собой, идет она вперед:
Лишь примечает это человек, и видит всё всевидящее око Бога.
Но даже в тот момент отчаянья души,
В свидании том жестоком с болью и неизбежной смертью,
270. Не вырвался из губ Савитри ни зов о помощи, ни даже стон;
Ни с кем не поделилась она тайной своей беды:
Спокойным было её лицо, и мужество безмолвной делало её.
Лишь внешнее страдало существо, усилия прилагая;
Ведь, человечность в ней была божественной наполовину:
275. Открылся дух ее всесущему и всеобъемлющему Духу,
Её природа ощутила всю Природу своею собственной.
Все жизни по отдельности несла она внутри себя;
Весь мир она в себе держала, невозмутимо отстранившись:
Единым стал благоговейный страх её с великим страхом мира,
280. А сила опиралась на космические силы,
И с ней была любовь вселенской Матери.
Но по сравнению со злом, боль приносящим основам жизни,
Её беда была всего лишь обычным рядовым явленьем,
И из страданья своего она сковала тайный, острый меч.
285. Свой одинокий ум и сердце, вобравшее в себя весь мир,
Она подняла для работы бессмертной и ни с кем не разделенной.
Вначале горя не было в ее груди опустошенной:
И на коленях изначальной земной сонливости
Инертная, раскрепощенная в забвении своем,
290. Простерлась жизнь ее, себя в ума границах не осознавая,

- Тупая и спокойная как камень и звезда.
В расщелине глубокой, в тишине меж царствами двумя
Она лежала, вдалеке от скорби, без печалей и тревог,
Ничто не говорило о горе здесь.
295. Затем пришло воспоминанье слабое, похожее на тень.
Вздыхнув, сложила руки на груди Савитри
И осознала близкую мучительную боль, глубокую и тихую,
Такую старую, вдруг ставшую естественной для места этого,
Не знающую лишь, зачем и как она здесь появилась.
300. Была ещё удалена отсюда Сила, что ум воспламеняет:
Тяжёлыми, не склонными к работе были слуги жизни,
Словно работники, не получившие еще оплату за блаженство.
И не желал гореть печальный факел чувств,
А мозг, лишённый помощи, не находил следов былого.
305. И лишь земная смутная природа хранила образ тот в себе.
Но, вот, Савитри шевельнулась, космическую тяжесть разделила жизнь ее.
И по беззвучному приказу тела
Вернулся сильный быстрокрылый дух ее
Назад, под гнет своей судьбы, одев ярмо невежества,
310. Назад, к труду и стрессу смертных дней,
Дорогу освещая сквозь виденья странных знаков,
Через моря слабеющих с рассветом снов.
Затем природы дом невидимое колебанье ощутил,
И жизни все укромные места без промедленья озарились,
315. И по часам открылись дверные створки памяти,
И к тем дверям усталой поступью все мысли устремились.
Пришли к Савитри снова Земля, Любовь и Смерть,
Что спорят вечно, и стали, окружив ее,
Как образы гигантов, сражающихся издавна в ночи:
320. Те божества, рожденные из Несознания смутного,
К борьбе и к острой и душевной боли пробудились.
И там, под тенью пламенеющего сердца,
В том мрачном центре внушающего ужас спора
Пучины безутешной страж,
325. Наследующий долгую агонию земного шара,
Подобно каменной фигуре высокой божьей Боли,
Смотрел в Пространство беспристрастным и застывшим взглядом
И видел горя вечные глубины, не замечая жизни цель.
Суровая божественность ему боль причиняла,
330. И к трону своему прикованный, он удовлетворенья ждал
От ежедневной дани слез, ею непролитых еще.
Вернулся вновь вопрос жестокий о мгновеньях жизни человеческой.
Страданий и желаний жертвоприношение,
Что предлагает бессмертному экстазу Земля,
335. Вновь стало совершаться под вечной Дланью.
Уже неспящая Савитри без ропота стерпела марш сомкнутых мгновений
И посмотрела на этот мир зеленый, улыбчивый, но сопряженный с риском,
И услышала невежественный крик живых творений.
Среди обычных звуков на повседневной сцене
340. Её душа восстала, противостоя Судьбе и Времени.
Недвижная внутри, Савитри собирала силу.
То был тот самый день, когда уйти из жизни был должен Сатьяван.

Конец Песни первой

Песнь вторая ИСХОД

- На время опустившись в мысли тайники,
Савитри ум переместился к многоликим воспоминаньям прошлого,
Ожившим вновь, и осознал, что подошли они к концу:
Воспоминанья, угасая, жили нерушимо в ней;
5. То прошло, как преходящий и исчезающий из преходящих глаз,
Тот самый призрак «я», невидимый и роковой,
Несущий будущее наше в своей груди фантомной.
По следу быстро исчезающих событий, развернутому вспять,
Неумолимо двигался поток часов.
10. На берегу таинственного этого излива,
Что населен был видами известными, исчезнувшими ныне,
И образами тонкими того, что раньше было,
Стоял свидетель-дух Савитри, обзревая Время.
Всё то, о чем она мечтала и на что надеялась, всё, что сбылось,
15. Умчалось на орлиных крыльях в Лету сквозь небеса ожившей памяти.
Как-будто в многоцветьи внутреннего жаркого рассвета
Широкие дороги и тропы милые, влекущие по жизни,
Предстали пред её как солнце чистым и фиксирующим взглядом:
От дней в стране чудесной детства
20. И юности, парящей среди лазурно-синих гор и райских рощ,
И крыльев ослепительных Любви
До радости, оцепеневшей под молчаливой тенью рока,
Когда в последнем повороте с адом состязались небеса.
Двенадцать страстных месяцев вели ко дню несчастья.
25. Нисходит полная и сверхъестественная тьма
На человека иногда, когда он начинает приближаться к Богу:
Приходит час, когда недостает всех средств его Природы;
Тогда из-под Неведения защиты вытесненный разом,
Отброшенный назад к своим элементарным изначальным нуждам,
30. Он должен скинуть, наконец, с себя свою поверхностную суть
И неприкрытой стать сущностью, что обитает внутри него:
Такая участь для Савитри выпала в тот день.
Настал момент решить, должна ли быть жизнь напрасной
Иль нужно пробудить в себе бессмертную стихию,
35. Такую свою волю, что тела судьбу отменит.
Ведь, только Дух бессмертный своею вечной силой
Ярмо, рождением наложенное бранным, может снять.
И только это «Я», что создает тот самый образ «я»,
Может стереть весь этот застывший непрерывный ряд,
40. Который соединяет бесчисленные жизни, с их именами разными,
Личины эти разные, забывшие себя,
И скрытно наблюдает в сознательных деяньях наших
За шлейфом старых забытых мыслей и поступков,
Не признавая завещаний от наших погребенных «я» -
45. Наследства тягостного наших форм, исчезнувших навек,
Вслепую принятого телом и душой.

- Был в этих наблюдениях как будто эпизод забытого рассказа:
Утеряно его начало, мотив и фабула сокрыты;
История, прожитая однажды, всё подготовила и создала
50. Судьбу, дарованную нам сейчас – дитё энергий прошлых жизней.
Вот этот стойкий ряд космических последствий,
Скрепленных прочно связями сокрытыми и неизбежными совсем,
Должна была Савитри разорвать и низвести одной лишь силою своей души,
И прошлое свое – преграду на пути к бессмертью –
55. Ей нужно было сравнять с землей и заново сформировать свою судьбу.
А диалог с Богами изначальными,
Которые встречаются на границах неизвестного,
Её души спор с воплощенным Небытием
В опасной, смутной обстановке ей нужно было выиграть:
60. С бесформенной Причиной должно было столкнуться существо её,
И всей вселенной противопоставить одно своё лишь «я».
Там, на вершине голой, где «Я» стоит перед пустым Ничто,
А жизнь теряет смысл, и у любви опоры нет,
Свое решение нужно защитить Савитри на грани смерти,
65. В пещере угасания людей о беззащитном требовании жизни заявить
И право отстоять своё быть и любить.
Необходимо изменение внести в устройство строгое Природы;
Она должна добиться освобождения от прошлого оков,
И старый счет страданья погасить,
70. И вычеркнуть из Времени соединенный длинный долг души,
Тяжелые обременения кармических Богов
И медленную месть неумолимого Закона,
Тяжелую необходимость вселенской боли
И жертву тяжкую, и результат трагический.
75. Она должна прорваться за барьер, где Время не существует вовсе,
Проникнуть глубиной мыслей в чудовищную тишь Пустоты,
Взглянуть в страдающие от одиночества глаза бессмертной Смерти
И обнаженным духом своим измерить Бесконечность ночи.
Великий миг, страданье приносящий, теперь стал ближе.
80. Словно у войска, одетого в броню и марширующего к своей судьбе,
Те дни последние и долгие прошли тяжелой поступью,
Хотя и долгие, но слишком быстротечные и слишком приближавшие конец.
Одна среди множества любимых лиц,
Одна осознающая среди сердец счастливых, неосознающих -
85. Дух, защищенный её броней, дежурство нес в те самые часы,
Прислушиваясь к потрясающим предвиденным шагам
В сокрытой красоте не свойственных для человека чащ.
Как воин на арене смолкшей, грозной,
Она стояла ради мира, не знающего ничего об этом:
90. Не ожидая помощи, Савитри сберегала Силу внутри себя;
Отсутствовали здесь глаза земных свидетелей;
Природа одинокая внизу и Боги наверху
Лишь были очевидцами того наполненного мощью спора.
Суровые холмы, стремящиеся к небу, были вокруг нее,
95. Обширные зеленые леса с их шелестом глубокомысленным,
Невнятно бормотавшие приглушенное заклинание.
Густая, пышная и красочная жизнь, сокрытая от всех, сама в себе,
Задрапированная в монотонность насыщенно-зеленых ярких листьев,

- И множество цветов веселых в пестрых солнечных лучах
100. Стеною окружили сцену судьбы её, уединенную от всех.
Там поднялась она к высотам духа своего:
Дух-гений тех немислимых безмолвий,
Что душу пропитал её своим бескрайним одиночеством,
Открыл ей чистую реальность её «я»,
105. Вплотную соединив Савитри с этим окруженьем.
То одиночество часы её людского воплощенья подняло
До уровня основы вечной, уникальной.
Сила прямых и очень скромных нужд
Уменьшила всю тяжесть повседневных человеческих забот,
110. Обременительную массу потребностей ненужных,
Оставив только тонкий и первичный слой простых физических желаний;
Земли же первобытной потрясающая первозданность,
В раздумья погрузившийся глухой массив деревьев
И в размышлении застывшее сапфировое небо,
115. И значимость формальная неспешно шествующих месяцев
Оставили обширное пространство ей для Бога и надежды.
Так её драмы прожит был сияющий пролог.
Для вечности шагов то место на земле
Установилось в одиноком томлении лесов.
120. За ним присматривали пики устремленья,
Взирающие сквозь золотистый Времени просвет.
Здесь тишина, подслушивая, ощутила слова еще невысказанные,
А часы совсем забыли о движении к печали и измененью.
С внезапностью, присущей божественным пришествиям,
125. Вновь повторяя чудо нисхожденья первого
И превращая в восхищенье вялое земное движение по кругу,
Любовь пришла к ней, затмевая мрак и смерть -
Так бог Любви нашел в ней свой совершенный храм.
С тех пор, как к небесам тянуться начало земное существо,
130. Испытывая на себе все муки долгих испытаний,
Луч Света ни одно творенье не несло еще в себе –
Луч нестерпимых испытаний Богом существа всего людского,
Направленный, как молния с небес, в пучину нашу.
На благородный род указывало всё в Савитри.
135. Небес наперник, тесно связанный с просторами земли,
Возвышенный и скорый её юный дух-провидец,
Через миры великолепья и покоя шествуя,
Перелетал при помощи воображенья к явлениям не рождённым.
Савитри воля была яркой, без ошибок, с присущим самообладаньем;
140. А ум её, как море искренности безупречной,
Неистовый в потоке, не содержал в себе каких-то мутных волн.
Подобно динамичному мистическому танцу жрицы
Экстазов чистых и совершенных, которую ведет
И вдохновляет свод откровений Истины,
145. Той самой жрицы, что танцует у богов в пророческой пещере,
Так точно сердце тишины в руках восторга божьего
Наполнило ударами, глубокими творящими,
Ударами сей притчи о рассвете, всё тело,
Что приютом оказалось божественности скрытой
150. Иль дверью золотою храма в запредельный мир.

- Бессмертья ритмы в поступи её земной царили;
Её улыбка, её взгляд будили ощущение небес
Даже в материи простой, а интенсивный их восторг
Лил щедро неземную красоту на жизни всех людей.
155. Деянием врожденным была её неограниченная жертвенность;
Великодушные такое же обширное, как море или небо,
Окутывало своею мощью всё, что приходило,
И создавало ощущение величия мира:
Её заботливость была как солнце нежной и спокойной,
160. А страсти пыл был в равновесии как голубое небо.
Душа ее летела как будто загнанная птица,
На крыльях утомленных уносясь из штормового мира,
В стремлении достичь покоя на груди воспоминаний -
В приюте безопасной и прекрасной нежной тишины,
165. Где можно заново испытать всю жизнь в потоках сладостных блаженства,
Восстановить утерянное состояние счастья,
Вновь ощутить великолепия атмосферы своей природы светлой
И очистить радость под её горячим и колоритным управлением.
Неисчерпаемая бездна сострадания, алтарь безмолвия,
170. Её душевная поддержка открыли врата небес;
Любовь её была обширней всей вселенной,
И в сердце её одном мог получить прибежище весь мир.
В нём пребывало божество Любви в своем величье безграничном:
Вне атмосферы ограниченной, в неволе содержащей её «я»
175. Она смогла реально ощутить дыхание духа тонкое,
Духовное настолько, что было в силах сделать всё вокруг божественным явлением.
Ведь, даже глубины существа её являлись тайниками света.
Она была и словом, и молчаньем в одночасье,
Материком покоя, что распространяет сам себя,
180. И океаном чистого бесстрашного огня;
Безмолвие богов и сила их принадлежали ей.
В ней бог нашел такое же безбрежие Любви, как у себя,
И здесь же он обнаружил высь небес с их тонкой теплотой,
В которой он мог двигаться, как в доме своём родном.
185. В ней встретил он свою же собственную вечность.

- И даже нить печали до той поры не прерывала её луч света.
С тех пор, как мысли взор в теле её, дыханьем скованном,
В теле, живущем на груди земной, непрочной, брэнной,
Взор тот, с симпатией открытый к счастливым звездам,
190. Где жизнь не подвергается печальным изменениям,
Припомнил красоту, которую не открывали смертью движимые веки,
И удивился земному миру слабых хрупких форм,
Влекомых парусами блистающего Времени,
Была с ней неподвластность вечных, не рождённых Сил.
195. И хоть она склонилась под тяжестью земною,
Шаги её, всё ж, были соразмерны шагам Богов.
Дыхание земли не в силах было запятнать сверкающее зеркало:
И, не затронутое пылью нашей смертной атмосферы,
Восторг небес духовный оно всё также отражало.
200. Все те, что жили в круге света Савитри, едва ли видели
В извечных небесах её блистательного друга детства,

- Спустившегося из тех царств недостижимых
Во след пришествию её, такому яркому и притягательному,-
Парящую над нею Феникс-птицу бесконечного блаженства,
205. Парящую на крыльях, что белым пламенели огнем:
Небес защитник, исполненный покоя, охранял дитя, направленное с миссией.
Богатой красками орбитой был первый срок её,
А годы те сменялись, как золотые одеяния богов;
И в счастье том безветренном на троне восседала молодость её.
210. Но радость эта не может продолжаться вечно:
Есть тьма в материи земной, что не желает,
Чтобы долго длилась излишне радостная нота.
Неотвратимая Рука была к Савитри слишком близко:
Так облаченная Бессмертьем попала в ловушку Времени.
215. Тот, кто встречает существ великих, взваливших бремя на себя, нашел её.
Определил он путь и испытанье тяжкое,
Избрав для страшной жертвы её души
Паденье, горе и смерть единственными стимулами духа, –
Бог сомневающийся этим факелом страданья
220. Открыл перед Савитри бездну мира незавершенного,
Призвав её пучину эту заполнить своим бескрайним «я».
Бог царственный, безжалостный, своим спокойным взглядом
Подчеркивающий Вечности ужасную стратегию,
Измерил затруднение могуществом Савитри
225. И вырыл ещё глубже пропасть, которую должны все люди перейти.
Внезапно атаковав начала её божественные,
Он сделал её сердце сражающимся сердцем человека,
А силу её заставил следовать по предназначенной дороге.
Как раз для этого она и приняла обличье смертное;
230. Она пришла сражаться с этой Тенью, и ей пришлось
Столкнуться лицом к лицу с загадкой существования человека
И краткою борьбою жизни в ночи Материи немой.
Смириться ей с Невежеством и смертью
Или дороги проложить в Бессмертье
235. И победить в божественной игре за человека, иль проиграть –
Выбор души её определился жребием Судьбы.
Но родилась она не для того, чтобы страдать и покоряться,
Вести вперед, освобождать была её блистательная роль.
Её соткали не из земной материи, пригодной только
240. Для деяний несерьезных, обычных Сил.
Отображение фигуры, мятущейся на полотне Судьбы,
Которую наполовину оживили для шоу преходящего,
Или фигуры, потерпевшей кораблекрушение в Желанья океане
И брошенной в водовороты игры жестокой,
245. Швыряемой по безднам Случая,
Или творение, рожденное сгибаться под тяжестью ярма -
Невольник и игрушка Времени владык, -
Иль пешка ещё одна, судьба которой быть продвинутой на шаг -
Шаг небольшой вперед, один, на неисчислимых жизней той доске
250. В той шахматной игре земной души с неумолимым Роком:
Так представляется фигура человека, изображаемая Временем.
Сознательное тело, Сила, породившая себя - она пришла на Землю.
В загадочном явлении идущих сумерков богов,

- В том тихом, странном и нелегком компромиссе
255. Природы ограниченной с Душою безграничной,
Где двигаться должно всё меж predetermined Случаем
И равнодушной слепой Необходимостью,
Души огонь не смеет подняться слишком высоко.
Но если он однажды встретит Пламя изначальное, глубокое,
260. Прикосновение это может уничтожить все сотворенные ограничения,
И земля склонится перед силой Бесконечья.
Тюрьмой является весь этот необъятный материальный мир:
В нём поперек любой дороги стоит намертво врытый, твердокаменный Закон,
И стражи серые, огромные шагают перед каждыми воротами.
265. Тот серый трибунал Невежества –
Святая Инквизиция жрецов Ночи –
Сидит над приговором душе-авантюристке,
А двойственные заповеди и Кармы правило
Удерживают Бога и Титана в нас:
270. Боль с неизменной плетью, радость с платой серебром
Стоят на страже Колеса, крутящегося вхолостую.
Они в оковы заключают тот разум, что карабкается ввысь,
Печатью запечатывают сердце, распахнутое настежь;
А Смерть задерживает Жизнь, шагающую в поиске открытий.
275. Так пребывает в безопасности трон Несознания,
Пока неспешно исчезают друг за другом целые эпохи,
А Существо живое пасется за оградой священной,
И Сокол золотой не может больше в небеса взлететь.
Но, вот, поднялся кто-то и зажег огонь, не ограниченный ничем.
280. Хоть и была она осуждена той темной Силой, что ненавидит счастье,
В ужасном том суде, где жизнь должна платить за радость,
И чисто механически судья приговорил её
К мучительному испытанию бременем всех человеческих надежд,
Но, всё-ж, Савитри не склонила головы перед суровым приговором
285. И сердце беззащитное не обнажила судьбы удару.
Обычно так должна склоняться воля человека, порожденная умом,
Послушная законам прошлых лет,
Без жалоб принимающая вызов этот низших богов.
Но в ней было посеяно сверхчеловеческое семя.
290. Крылья могучие мечты не смог сложить Савитри дух,
И отказался он искать обычный путь
Или, найдя, что смыслы жизни золотые все утрачены,
С землей смириться, вычеркнутой из списка звездного,
И погасить отчаяньем черным Свет, который был дарован богом.
295. Привыкшее к началам истинным и вечным,
Савитри существо осознавало свои божественные корни
И не просило смертного непрочного освобождения от боли,
И не латало неудачу соглашением или компромиссом.
Было известно ей, какую нужно выполнить работу и что сказать:
300. Историю души своей, ещё незавершенную, записывая
Посредством дел и мыслей, начертанных в книге Природы,
Она не согласилась закрыть страницу жизни светлую
И отменить свое общение со всею вечностью
Или безвольным согласием своим скрепить
305. Баланс жестокий предстоящего обмена в мире этом.

- Та сила, что трудилась в ней упорно с той поры, как сотворили землю,
В жизнь претворяя план великого мироустройства,
Осуществляя после смерти намеченные бессмертьем цели,
Отвергла с отвращением роль разочарования бесплодного,
310. В которой утрачивался смысл рождения во Времени,
И отказалась подчиниться воле случайных фактов
Иль предоставить слепому случаю высокую судьбу Савитри.
В себе самой она нашла надежное спасительное средство,
И право суверенное свое поставила она против железного закона:
315. Одна лишь её воля противостояла космическому принципу.
Восстало благородство это, чтоб колесо слепое Страшного суда остановить.
Незримый постучался в тайные сокрытые врата Савитри,
И её сила, возросшая стократно от этого удара молнии
Во глубине души, тотчас же пробудилась ото сна.
320. И вынесла она этот удар Того, кто убивает и спасает.
Став на пути внушающего страх движенья, невидимого простому зрению,
Преградой став ужасу маршрута, который изменить не в состоянии никто,
Она столкнулась с машинерией вселенной лицом к лицу;
На том пути катящегося колеса восстало сердце:
325. Гигантское вращенье приостановилось перед ним -
Так повстречали огонь души те непреклонные обычаи.
В её руках вдруг оказался магический рычаг,
Что направляет вечно волю Невыразимого сокрытого:
Молитва, дело мастера, велика идея
330. Соединить способны силу человека с трансцендентной Силой.
Тогда любое чудо становится всеобщим правилом,
Одно могучее деянье может изменить весь ход событий;
Единственная мысль при этом становится всесильной, всемогущей.
Сейчас всё кажется нам необъятным скопищем Природы механизмов;
335. Порабощенье безграничное материи законом
И предопределенья затычного цепь железная,
Природы прочные и неизменные привычки, что имитируют Закон,
Её империя, подобная искусной и ничего не осознающей машине, –
Всё это отменяет право свободной воли для человека.
340. Он кажется машиной средь машин:
При этом поршень его мозга выкачивает мыслей образы наружу,
А бьющееся сердце вырезывает образы эмоций;
И без сознания энергия как будто фабрикует душу.
Или фигура мирозданья являет признаки Случайности,
345. Привязанной к сбивающему с толку шесту Материи,
Вокруг которого Природа повторяет циклами свои шаги.
Тогда здесь появляются случайные ряды слепых событий,
Которых разум человека наделяет иллюзорным смыслом,
Иль Жизни инстинктивный поиск, что опирается на чей-то опыт,
350. Иль грандиозная работа погрязшего в невежестве ума.
Но, вот, приходит мудрость, и возникает виденье глубинное,
Тогда Природы инструмент сам коронуется её царем;
Он ощущает свою сознательную силу и «я» свидетеля;
Душа его со стороны взирает за игрой Природы и видит высочайший Свет.
355. Так позади машины грубой, плотской Божество встает.
В огне триумфа ворвалась эта истина;
Победа завоевана была для Бога в человеке,

- И божество явило свой скрытый прежде лик.
Великая Мать Мира в Савитри тотчас же восстала:
360. Холодный мертвый поворот судьбы сменился выбором живым,
И поступь духа утвердилась над Обстоятельством.
Отбросила она бесчувственное, страшное, идущее по кругу Колесо
И тотчас же остановила безмолвный марш слепой Необходимости.
Воитель пламенный с вершин непреходящих,
365. Кому дозволили взять силой закрытую мешающую дверь,
С личины Смерти сбросил маску её глухого самовластья
И разорвал границы все сознания и Времени.

Конец Песни второй

Песнь третья ЙОГА ЦАРЯ: ЙОГА ОСВОБОЖДЕНИЯ ДУШИ

- Желание вселенной явило свету брненное рождение Савитри.
Передний край извечных поисков возглавив,
Главный герой в этом таинственном спектакле,
Где Неизвестное исследует себя в различных формах
5. И ограничивает свою вечность predetermined сроком,
А Пустота слепая создает усилья, чтоб жить и видеть,
Герой-мудрец и труженик, творящий совершенство,
Внёс силу светоносную в стремленье молчаливое Земли.
Из высших сфер дух Ашвапати опустился
10. И в поле зрения людского недолговечного попал -
Был он посланцем к нам из вечности далекой.
Его рожденье было символом и знаком -
Лучом, ведущим человека по неизведанным земным дорогам;
И человеческое «я» его, подобное прозрачному покрову,
15. Скрывало то Всеведущее, что за руку ведет незрячий мир.
С космическим Пространством, Временем был тесно связан он,
Земле и человеку выплачивая Бога долг,
Поскольку в праве этом был, являясь Ему сыном.
С невежеством, присущим смертным, соглашаясь,
20. Невыразимый Свет его познание несло.
Подобно силе некоего Постоянства изначального,
Притянутой к мгновениям потоку,
Хранил в себе он образ всех Пространств, лежащих позади мгновений этих:
Была в нем мощь, Непостижимому присущая.
25. Архивовед Реальности потусторонней знаков,
Сверхчеловеческих мечтаний охранитель -
На нем печать была могучих тех воспоминаний,
И грандиозные лучи их он лил на человеческую жизнь.
И долгим ростом были дни его навстречу Вседержителю.
30. Направленное к небу существо, питающее свои корни
Пищей из источников оккультных и духовных,
Взбиралось белыми лучами навстречу к еще невидимому Солнцу.
Его душа была как вечности посланник,
Был ум его похожим на огонь, вздымающийся к небесам,
35. А воля - охотником, стремящимся идти по следу света.
Удару океана подобен был каждый вздох,

- Каждое действие оставляло отпечаток бога,
Мгновенье каждое было как взмах могучих крыльев.
И небольшой кусочек нашей смертной жизни,
40. Которого коснулся житель тех высот,
Живого Бесконечья становился игровой площадкой.
Этот телесный внешний вид – не всё,
Форма обманчива, а личность только маска;
Силы небесные сокрытыми в глубинах человека находиться могут.
45. Его кораблик хрупкий перевозит через море лет
Обличье неизвестное Нетленного.
Дух пребывает в нас, являясь Бога пламенем,
Частицей огненной чудеснейшего Дива.
Творец он своего блаженства и красоты своей,
50. Бессмертный в нашей смертной нищете.
Этот ваятель внешних форм того же Бесконечья,
Этот завесой защищенный Обитатель, непознанный ещё,
Он – посвященный сам в свои мистерии, сокрытые вуалью, -
Идею космоса свою сам прячет в семени немом, ничтожно малом.
55. С негласной силою оккультной той Идеи,
Что свыше предопределяет действие и форму,
Он переходит от жизни к жизни, поднимаясь по ступеням,
Меня воплощенное самим собою «я» от формы к форме,
Приглядывает за иконой этой, что растёт под взглядом пристальным его,
60. И в червяке ничтожном бога он грядущего предвидит.
В конце концов, скиталец этот по дорогам Времени
К границам вечности приходит.
Задрапированный под преходящий образ человеческого рода,
Он остро ощущает собственное вещество – неумиряющее «я» -
65. И тотчас же теряет своё родство со смертными людьми.
Луч вечности пронзает его сердце,
Мышление его уходит в бесконечность,
И обращается всё в нём к просторам духа.
Душа его срывает все покровы, чтобы с Божественной душой соединиться,
70. А океан Сверхжизни поглощает жизнь его.
Уже напился он из Матери миров груди;
Его структуру наполняет Сверхприрода:
Она воспринимает его духа вечную основу
Незыблемым залогом её изменчивого мира
75. И формирует образ ею нерождённых ещё сил.
Мать-созидательница вечно постигает в нём себя,
В творении этом истинных её деяний:
Её лицо проглядывает сквозь его личину, её глаза из-под него блестят;
И существо её в единстве с ним глубоким состоит.
80. Затем Божественное, бывшее сокрытым, на свет выходит.
Единство неизменное, а также динамическая Сила
Нисходят в человека, как неотъемлемые знаки Божества;
Его душа и тело получают этот превосходный отпечаток.
Жизнь человека это подготовка с неясной долгой перспективой,
85. Как круговерть тяжелого труда, надежды, мира и войны,
Проложенная Жизнью на неизученной Материи земли.
И в восхождении своём к вершине, которой не касался ещё никто,
С огнем выскивает он сквозь полумрак гипотез

- Едва знакомую сокрытую реальность, всегда теряемую всеми.
90. Он ищет что-то или кого-то, прежде не найденного ещё,
Он ищет поклоненье идеалу, которого никто здесь не достиг,
Спиралью бесконечной взлетов и падений,
Пока в конце концов он не достигнет той гигантской выси,
С которой его Слава озарит того, кто сделал нас,
95. И мы ворвёмся в бесконечность Бога.
Мы совершим побег через границу нашей собственной природы
Под свод живого света Сверхприроды.
Сейчас всё это стало ясно Ашвапати – сыну Силы.
В нём этот высший переход положен был в основу.
100. Сам внеземной и изначальный Имманентный,
Искусством чьим является течение Природы,
Творец вселенский в этом свою руку тайно приложил,
Чтоб в скоротечность погруженную машину к деяниям небесным повернуть.
Высокое Присутствие трудилось позади двусмысленной завесы:
105. Оно ковало почву Ашвапати, чтоб вынесла она Титана вес.
И очищая полутёсаные блоки природной силы,
Оно вмуровывало его душу в скульптурное изображение бога.
Творец материи чудесной для наших «я»,
Над сложным и высоким замыслом своим трудясь
110. В безбрежной мастерской космического мира,
Лепил ритмично части существа во Времени своём.
Внезапно чудо запредельное явилось:
То в муках родовых в оккультном лоне жизни
Его Величество, сокрытое под маской, безупречно очертило
115. Задуманную им вершину всего того, что должно быть.
Венец архитектуры всех миров,
В котором Небо и Земля таинственно переплелись, -
Божественность соединил он с планом смертным.
В тот час Провидец был рожден – блистательный гость Времени.
120. Освободился ум его от тех ограничений, что вводит небесный свод.
Грифоны - стражи Дня и Ночи - отступили,
И в своде этом, ранее закрытом, прореха вскрылась;
Вернулось к прошлым целям сознательное существо его:
Ориентиры слабой личности исчезли,
125. И остров его эго соединился с материком своим.
Преодолен был этот мир доселе жестко ограниченных созданий:
Барьеры пали, и к Неизвестному открылась жизнь.
Все соглашения прошлых пониманий были отринуты,
И, удаляя подчиненья строгое условие,
130. Был договор души с неведеньем Природы расторгнут.
Все мрачные запреты существа были отброшены,
И интеллекта яркая тяжелая узда разрушена,
И истина, отныне полная, нашла себе обширное небесное пространство,
И зрение небесное теперь всё видело и знало,
135. И безграничным светом стал разум, ограниченный,
И с бесконечностью отныне «я» смертное соединилось.
Его движенье с той поры напоминало полёт орла.
Закончился период ученичества, неведеньем ведомый,
И Мудрость подняла его на уровень искусных мастеров,
140. Души небесным каменщиком сделав,

Чтоб тайный дом Бессмертия построить,
И претендентом стать божественного Вневременья:
К нему над временем свобода и власть зывали с тех высот;
Над сумерками разума и ночью жизни, освещенной несколькими звездами,
145. Божественного дня заря вставала.

- Поскольку Ашвапати утвердился в обширной сущности своей,
Движения его всё реже тормозились человеческой природой;
Так ставшее великим существо его увидело великий мир.
Бесстрашное стремленье к знанию осмелилось стереть
150. Границы безопасности, очерченные разумом, которые препятствуют
Ума полёту и погружению души вовнутрь Бесконечья.
Неспешными его деянья стали в свободной и просторной атмосфере,
Но тотчас же они и разорвали ограниченья наши мелкие земные.
Руками, подкрепленными Энергией преображенья,
155. Он ухватил без промедления, как лук титана,
Лежащие в глубокой тишине в подвале тайном запечатанном,
Те силы, что без пользы спят внутри всех нас.
Он чудо превратил в обычную работу
И сделал повседневной частью всех божественных деяний,
160. Вполне естественных для этой высоты.
Усилия, что делал он, могли бы вдребезги разбить всю силу сердца смертного,
Но совершались в царстве том они с могучей простотой,
И цели ставил он великие для повседневных дел Природы:
Сплошным потоком шли к нему дары божественного духа,
165. Поскольку были привилегией и принципом подобной жизни.
Восторг глубокий приносило очищенное восприятие мира,
А внутреннее видение это не ожидало размышлений:
Природу всю оно охватывало взглядом простым и быстрым,
В суть самую всего вокруг оно смотрело;
170. Стал Ашвапати видеть душу, не обманываясь больше формой.
И восприятие чистое его то знало в людях, что таилось неизвестным в них;
Оно улавливало суть идеи в самом уме, желание любое – в сердце;
Оно срывало серые покровы тайны с побуждений,
Которые скрывали люди все от собственного взора.
175. Он чувствовал, как жизнь, стучащая в сердцах других людей,
Вторгается в него с их горем или счастьем;
Невысказанные их надежды, гнев, любовь
Захлестывали волнами его или потоками вторгались
В ничем не замутненный океан его покоя.
180. Он слышал своих мыслей звуки, что нисходят свыше
И отражаются под сводами других умов;
Попали в поле зрения его потоки мыслей мира;
Так внутреннее «я» его приблизилось вплотную к «я» других людей
И испытало на себе всю тяжесть общих уз, родства с другими,
185. Однако оставаясь незатронутым – царем, свободным ото всех.
Магический аккорд настроил, оживляя,
Все старые земные струны в такт симфониям эфира;
Всех слуг ума и жизни в этом отклике души
Подвигнул тот аккорд счастливыми участниками стать,
190. А нерв и плоть он превратил в те самые чувствительные струны
И записи сиянья и экстаза;

- Все средства тела сделал он служителями духа.
Божественное это отправление с присущей ему изяществом и милостью
Работой той тончайшей его людскую приземленность осветило;
195. Так опыт жизненный глубинных оболочек тела
Заставил пробудиться душу, что одурманена влиянием Материи была.
В глухой стене, что закрывает нас от «я», запахнутого настезь,
В сокрытой тайне видимого сна -
Мистическом пространстве, что существует позади бессонных мыслей,
200. Открылась дверь, силою Материи воздвигнутая,
Освобождая то, что было не захвачено земными чувствами:
Мир неизведанный и полностью незримый для внешнего ума
Явился в протяжениях души, лишенных звуков.
Сидел в раздумьях в тайном этом зале Ашвапати,
205. В те страны светлые грядущего глядя,
Где стало истинною явью то, что грезилось его уму,
Где всё, что жизнь желает страстно, пододвигается вплотную.
Он видел Совершенных, живущих там в жилищах звёздных,
Несущих на себе великолепие бессмертной формы
210. И возлежащих в бережных объятьях Вечного покоя,
Блаженных в божьего экстаза сердцебиеньях.
Он жил в мистическом пространстве, где возникает мысль,
А волю кормят Силою небесной
И белым молоком достоинств Вечного питают,
215. Пока не вырастет она в подобье бога.
В сокрытых интерьерах, потаенных переходах
Свидетеля оккультных залов со стенами, что ум возвёл,
Открылись окна внутреннего зора.
Он овладел пространством Времени, что целостно и неделимо.
220. Подняв тяжелую завесу плоти,
Ступил он на порог, что змей-хранитель ревностно стерёг,
И вглядываться стал в мерцающие коридоры Бесконечья,
Безмолвно вслушиваясь тихим сердцем
В пришествие чего-то нового и неизвестного ещё.
225. Он созерцал пустую тишь
И слышал поступь немислимой ещё идеи
В аллеях дальних запредельного пространства.
Он слышал тайный Глас, то Слово вещее,
И видел нашу скрытую личину.
230. Все внутренние планы раскрыли двери свои хрустальные,
И жизнь его соприкоснулась с влияньями и силами, которых прежде не знала.
Пришло виденье царств, что выше наших,
Осведомленность о высших сферах и небесах,
О существах, не ограниченных короткой жизнью,
235. И оболочках, что гораздо тоньше наших смертных тел,
Структурах, слишком утончённых для восприятий материальных наших,
Деяниях, сверкающих богоподобным светом,
Движеньях, что побуждает делать сверхсознательная сила,
И радостях, что никогда не изливаются сквозь бранные тела,
240. И о пейзажах красивей земных, и о счастливых жизнях.
Сознание блаженства, красоты
И знание, что становится предметом постиженья,
Сменили чувство, что было отделено от сердца,

- И притянули в свои объятия всю Природу.
245. Ум выглянул наружу, чтобы встретить скрытые миры:
Сверкающая атмосфера непостижимыми взыграла образами всех оттенков,
В ноздрях затрепетали ароматы, идущие с небес,
Язык неторопливо ощутил мёд рая.
Слух, как канал гармонии вселенской,
250. Наполнился потоками божественных звучаний,
Стал ложем оккультных звуков, которых земля услышать неспособна.
Из тайного, сокрытого пространства, где обитает дремлющее «я»,
Неведомой, глубинной правды глас пришел,
Звучащий под вселенским сводом
255. И слышимый лишь в тишине всезнанья,
Захваченный интуитивно сердцем и тайным чувством.
Он нёс в себе безмолвную и запечатанную суть,
Он выражал запрос земли, который не был пока услышан,
И песню обещания струил ещё невоплотившихся небес,
260. Всего, что скрыто во всемогущем Сне до сей поры.
В той беспрестанной драме, Временем влекомый
В своём внимающем всему потоке, что несёт
Необъяснимое сомненье мира в бесцельном странствии,
Смех наслажденья неусыпного запузырится пеной,
265. Желание шептавшей, которое не может умереть:
Пришел плач мира о блаженстве бытия,
Великолепьи и величьи его воли к жизни,
Призыв души к рискованному приключению в пространстве
И путешествию сквозь все волшебные столетья,
270. И во вселенной этой материальной к труду существ,
К их поиску мистического смысла жизни
И радости высокого духовного ответа,
К сердечному биению довольства жизнью
От всякой сладости ее даров,
275. К дыханью учащенному и пульсу, трепету надежды, страха,
И к вкусу боли, слёз, экстаза,
К удару острому восторга от внезапного блаженства,
К рыданию от страсти и от нескончаемого горя.
Шум приглушенный, шепот тех неслышных звуков,
280. Толпятся что вокруг наших сердец, но не найдут окошка,
Чтоб войти, в песнь превратился новую, духовную
Всего того, что так страдает, поскольку неизвестно ещё миру,
Всего того, что тщетно трудится в старании родиться,
Всей сладости, которой не вкусил ещё никто,
285. Всей красоты, которой не было дотолле.
Неслышное нашим ушам глухим и смертным,
Многоголосье ритмов мира сплетало изумительную песнь,
К которой жизнь стремится приспособить здесь удары-рифмы,
Передвигая все пределы наши навстречу к беспредельному,
290. Настраивая жизнь конечную на бесконечность.
Ворчание глухое из пещеры подсознания раздалось -
То бормотанье было первичного невежества;
Ответ на недовольство неразборчивое это пришел -
Был явлен свыше молнией и громовыми крыльями
295. Сверкающий раскатами Невыразимому священный гимн

- И прославление сверхсознательного света.
Открыто было всё, что выразить не мог никто здесь;
Виденье и мечта стали сюжетами рассказов истины
Иль символами, что правдивей фактов,
300. Иль истинами, что в силу возвели печати сверхприроды.
Бессмертные глаза приблизились и заглянули в его глаза,
Заговорили, встав рядом с Ашвапати и существа из царств других:
Вечно живые существа, которых мертвыми зовем мы,
Которые смогли после рождения и смерти оставить славу о себе,
305. Чтоб мудрость изложить, что превосходит все слова пустые:
Добра цари и зла цари,
Что обратились к разума судейству,
Провозгласили истину святую своих позиций, противоречащих друг другу.
И всякий Бога выразителем считал лишь одного себя:
310. Так боги света и титаны тьмы
За душу Ашвапати, как за ценный приз, сражались.
И каждый час, что Времени колчан высвобождал,
Рождал песнь нового открытия
Гудением звенящей тетивы молодого эксперимента.
315. Поэмой фантастической духовной стал каждый день его,
Как если б он родился в ярком новом мире;
Нежданным другом в нём забилося приключение,
И радости вкус острый сладкий принесла опасность;
Переживанием глубоким стало каждое событие.
320. Прошли эпические встречи, нежданные высокие беседы состоялись,
Пришли советы, которые небесной речью были созданы,
А губы сокровенные нашептывали сладкие посылы,
Чтоб в сердце принести восторга зов,
Чтоб море искушений сладких похитить из прекрасных царств,
325. Из мира же блаженства – сонм неожиданных экстазов.
То было место чуда и восторга.
Всё ясно мог воспринимать его ярчайший тонкий слух;
Любой контакт пронизывал его вибрацией могуществ неизвестных.
Так осязание, разбуженное близостью к пространствам неземным,
330. Ответ давало тонким безграничьям,
А стон серебряный открывшихся ворот предвосхищал
Молниеносный взгляд, который Ашвапати бросил в невидимые царства.
Его сознание и видение его росли всегда,
И проявлялся в них простор достойный и полёт высокий;
335. Он перешел границу, что Материя разметила по праву,
И за границей этой пояс пересек, в котором мысль сменяет жизнь.
Из мира знаков он вдруг пришел
К безмолвью «я», где никакого мира нет совсем,
И за пределы посмотрел вовнутрь безличной глубины.
340. Все символические образы здесь право потеряли на жизнь,
И признаки пропали, которые могли все чувства наши распознать;
И сердце здесь не билось больше в теле,
Глаза не любовались больше здесь красотой формы.
Пришли необычайные и яркие моменты молчаливого покоя.
345. Он воспарил в пространстве, лишенном всяких знаков,
Наполненном до края аморфным содержимом,
Где мир был заключен в едином существе,

- И познавалось всё лишь только в свете тождественности с ним,
И собственно самоочевидностью своею был Дух.
350. Глазами человека всматривался в мир Всевышний,
И видел он во всех творениях себя,
И узнавал свой голос собственный в воззренье каждом, в каждом слове.
Единство в нём завершено, нет поисков, объятий новых,
Любовь – стремление Единого к нему Единому,
355. И красота – лишь милое отличие Его же самого,
А уникальность - его же множества реальная душа.
Все истины объединяются в одну в нём Истину,
А все понятия в себе соединяют подлинную Сущность.
В нём, познающая себя своим же собственным и бесконечным «я»,
360. Божественная мудрость чистая, беспримесная
Сидела одиноко, молчаливо, в покое вечном
Без движенья всевидящей владыкой полновластной.
В ней знанью не нужны слова, чтоб воплотить Идею;
Идея, ищущая место в беспредельном,
365. От своего бессмертия, лишённого приюта, скучая,
Не просится для отдыха в резную яркую ячейку мысли,
Чей взгляд на всё вокруг, урезанный одним окошком,
Всего лишь видит небольшую часть небес обширных Бога.
Здесь беспредельный дружит с беспредельным;
370. Пока ты в нём – ты больше всего мира,
Пока ты в нём – ты своя собственная вечность.
В уме земном не концентрировался больше Ашвапати;
Безмолвия всевидящая сила наполнила его по самый край:
Охваченный богоявлением чистым и безмолвным
375. В видении, что превосходит формы,
И в житии, что превосходить жизнь,
Приблизился он к неподвижному сознанию, которое поддерживало всё.
И глас, что может речью ум тревожить,
Стал молчаливым знанием в его душе,
380. А сила, что ощущает истину свою лишь в действе,
Была отправлена сейчас в покой беззвучный, всемогущий.
Свобода от опеки над мирами,
И перерыв короткий поиска, что радости и муки нам приносит,
Преобразил давление Природы в невозмутимую тишь Бога.
385. Единодушие глубокое сменило жизни долгий спор.
Война воззрений, что порождает мирозданье,
Сил столкновение, стремящихся к господству
С таким ужасным боем, что можно этим возжечь звезду
Иль сотворить крупинку пыли,
390. Дороги, кружащие в пространстве по своим немим овалам,
Что поиском стремлений мира вспаханы,
Отрывки долгие потока Времени,
Мученье, заостряющее жуткой страсти силу,
Что пробуждает кипение в тупых земных наносах
395. И вырезает из этой грязи личность,
Страдание, которое питает Природы голод,
И течка страсти, что создает пылающую боль,
Судьба, которая карает добродетель крушением надежд,
Трагедия, что разрушает длительное счастье,

400. Рыдания Любви, Богов раздоры -
Всё прекратилось в истине, которая живёт в своём особом свете.
Его душа свободной стала, свидетелем происходящего и властелином.
Не поглощенный более потоком, мгновенья оседлавшим,
В котором ум дрейфует непрестанно, как странник на плоту,
405. Спешащий от явления одного к другому,
В покое Ашвапати пребывал, во Времени неразделимом.
Как если бы история, писавшаяся долго и разом данная ему сейчас,
Хранилась в настоящем его этом: всё прошлое и будущее вместе сразу.
Бесчисленные годы он ощущал в секундах,
410. А все часы как маленькие точки на странице жизни видел.
Один аспект Реальности доселе неизвестной
Значение космической картины изменил.
Огромная вселенная – материальный мир – всё это стало
Лишь результатом небольшим работы колоссальной силы:
415. Луч вековечный, обгоняющий мгновенья,
То озарил ему, что никогда ещё никто не делал.
В безмолвии могучем утвердилась мысль;
Расширился, потом затих усердно размышлявший ум мыслителя,
Божественная Мудрость прикоснулась к его трепещущему сердцу:
420. Его душа могла плыть за пределы барьера мысли, освещенного теперь,
Ум больше не скрывал безбрежность Бесконечья.
Вот, он увидел мельком на пустынном заходящем небосклоне
Поверх последнего мерцанья и звезд исчезновенья медленного
Недвижного Покоя сверхсознательные царства,
425. Где рассужденье исчезает, и умолкает слово, -
Лежит лишь одиноко там Непостижимое тропой непроторённой.
Туда никто не приходил, и голос там не раздавался;
Безмолвие господствовало там, и был лишь Абсолют.
Из этой тишины ум новорожденный возник
430. И пробудился к истинам еще не выразимым,
И проявились формы, несущие значение без слов,
Всевидящая мысль и самооткровенья глас.
Узнал источник он, откуда его дух пришел:
Движение было здесь обручено с Простором неподвижным;
435. Тогда свои основы он в Бесконечье погрузил
И ощутил там устремлённой в вечность жизнь свою.
- Вначале лишь недолго эти состояния божественные,
Подъемы самообладанья полного без перерыва могут длиться.
Высокое, свет льющее давление спадает очень скоро,
440. Уходит неподвижность тела окаменевшего, затихший жизни транс,
Мощь бездыханная, покой молчащего ума;
Они так медленно уходят, как день садится золотой.
Застывшие недвижно части тела от покоя устают;
Так ностальгия по прежним малым удовольствиям, делам,
445. Потребность вернуть свои привычные и мелочные «я»,
Чтобы идти путем обычным, низшим,
Потребность, распростершись, отдохнуть в естественном падении,
Как у ребенка, что учится ходить, но долго делать так не может, -
Обычно замещает волю того титана, который к восхождению стремится вечно.
450. Тускнеет огонь священный, зажженный на алтаре сердечном.

- Уз подсознания тяга старая вновь возрождается;
Она безвольный дух с высот утаскивает прочь,
Или тупое это притяжение нас увлекает вниз
К основе материальной нашей, ведомой слепой инерцией.
455. Всевышний Дипломат использовать и это может -
Он делает падение наше средством для великого подъема.
Ибо и в поле ветреном несведущей Природы,
И в хаосе сумбурном каждой смертной жизни
«Я» света вековечного и Сила, не имеющая формы,
460. Бок о бок следуют под сенью духа нисхожденья;
Единая веки двойственность – Единый
Дом избирает свой среди смятения чувств.
Он – гость всеведущий, руководитель тонкий,
Невидимым нисходит Он в те части нашей сути, что нечисты,
465. И делает свою работу под завесой тайны,
Пока не осознают все части эти потребность высшую и волю к измененью.
Всё здесь должно усвоить подчиненье высшему закону,
Все наши клетки тела должны хранить Бессмертья пламя.
Иначе дух один придет к истоку своему,
470. Вверяя мир, спасенный лишь наполовину, своей сомнительной судьбе.
Тогда Природа, оставаясь неспасенной, будет трудиться вечно;
Беспомощно кружиться будет в пространстве планета наша,
И цель безмерная творенья осуществиться не сможет,
Пока вселенная не сгинет незавершенной в стремлении тщетном.
475. Даже богоподобной силе, чтобы возвыситься, приходится претерпевать паденье:
Высокое сознание Ашвапати отступилось;
Поверхностное существо его, пришедшее в упадок, смутное,
Прочувствовать опять величие былое стремилось,
Вернуть контакт спасительный, высокий, его божественное пламя,
480. Призвать божественную Силу, поскольку это необходимо стало.
Всегда та сила изливалась как внезапный дождь,
Или её присутствие росло в груди неторопливо;
Оно карабкалось к той высоте, что в памяти хранилась,
Иль воспаряло над вершиной той, с которой пало.
485. С подъемом его каждым вширь росло паренье -
Существование в сферах высших, духовных;
Всё шире становилось в нём пространство Света.
И в этом колебании между землей и небом -
В невыразимом усилении прочной связи между ними -
490. Росло сияние в нём, подобно росту прибывающей луны, -
Сияние целостности его души.
Союз единственного в роде человеческом с Реальностью вселенской,
Взор пристальный Один, из каждого лица идущий,
Присутствие божественное Вечности во времени,
495. Что расширяет взгляд смутный смертного ума на суть вещей,
Мостом соединяя разрыв меж силой человека и Судьбой, -
Всё это цельным сделало разрозненное существо его, что здесь бытует в нас.
В конце концов добился он владения собою прочного, духовного,
Приюта постоянного в том самом царстве Вечного
500. И поселения в Неизменном,
И безопасности в Безмолвии, в Луче божественном.
Достигшие вершины части существа его в безмолвном пребывали «Я»,

- А ум его покоиться мог в небесах
И вниз смотреть на волшебство игры,
505. В которой на коленях Ночи и Рассвета лежит беспечно Бог-дитя,
А Бог-предвечный одевает маску Времени.
Высотам тихим и глубинам беспокойным
Его спокойный дух давал без предпочтений полное согласие:
Уравновешенная чистота спокойной силы,
510. Неколебимый и глубокий взгляд на Времени волнение
Встречали всякий опыт в неизменной тишине.
Бесстрастный к горю и к восторгу,
Не соблазненный ни призывом и ни чудом,
Недвижно созерцал поток явлений он
515. И подтверждал спокойно и отстраненно всё то, что существует:
Так помогал покой несокрушимый духа Ашвапати трудящемуся миру.
А его сила, безмолвием и виденьем духовным вдохновлённая,
Могла трудиться с просветленным, новым искусством
Над грубым материалом, из которого всё сделано вокруг,
520. И над отказом инертной массы вещества,
Над серым фронтом вселенского Неведенья и над
Невежеством Материи, и над огромной ошибкой жизни.
Как скульптор, что высекает из камня божество,
Он стёсывал не торопясь ту оболочку темную,
525. Что представляет линию защиты неведенья Природы,
Иллюзию и тайну Несознания, в покров чей черный
Сам Вечный оборачивает голову свою,
Чтоб действовать неузнанным во Времени космическом.
Самотворения величие на высших уровнях,
530. Преображение в мистических глубинах
Благоприятное космическое действие начать подвигли
И заново сформировать картину мира в нём,
В которой обретен в Природе Бог, исполнена Природа в Боге.
Уже была видна в нём эта задача Силы:
535. Жизнь выстроила дом свой на вершине его сущностного «я»;
Его душа, ум, сердце стали единым ярким солнцем;
Лишь в низших сферах жизни оставалась темнота.
Но даже там, в том жизни сумраке неясном
Был труд и пламени дыханье;
540. Неясная, укрытая плащом небесным, сила мощная работала
Под наблюдением спокойным Свидетеля недвижимого, сокрытого внутри.
И, вот, в оставленной внизу Природе, что сражалась с тьмой,
Возникли длительные промежутки света:
Сияние молний друг за другом озарило небо,
545. Свидетельством огня и блеска переживание стало,
Покрылся рябью воздух вокруг кораблей Богов,
Несли они богатства странные невидимого мира;
Блеск озарения полностью заполнил мысли пустоту,
И Знание вступило в разговор с безмолвьями, что Свет ещё не осознали,
550. Излились реки просвещенной силы и восторга,
Прекрасного мгновенья и блаженства штормовые всплески
Дождем пролились из всемогущей Тайны, что пребывала свыше.
Оттуда устремились вниз Всеведенья орлы.
Густой покров был прорван и слова великие услышаны;

555. Повторенный в уединённых уголках души,
Клич мудрости из трансцендентных высей
В горах невидимого мира зазвучал;
Те голоса, внимающие внутреннему слуху,
Несли сказания пророков к Ашвапати.
560. Приблизились к нему вплотную из недостижимой Тайны
Укутанные в пламя всплески Слова вечного
И вспышки яркие оккультных откровений Света.
В нём воцарилось Знание священное,
Секунды чьи высвечивают больше, чем годы рассуждений.
565. Упал сияющего откровенья луч,
Подобно указующему пальцу, он приковал вниманье к Истине,
И, вот, как при небесной вспышке, что озаряет землю,
Незамедлительное различенье интуиции в нём сразу воссияло.
Один короткий взгляд теперь мог отделить всю истину от лжи,
570. Или возжечь огонь сигнальный сильный в темноте,
Чтобы проверить претендентов, толпой идущих сквозь врата ума
И предъявляющих подделанные подписи богов,
Иль отделить от них невесту тайную в изменчивом наряде,
Иль изучить внимательно проявленный лик мысли или жизни.
575. Неоднократно вдохновенье молниеносными бросками -
Посланицей внезапной, всевидящей с высот своих –
Пересекало немые коридоры рассудка Ашвапати,
Внося своё ритмическое восприятие сокрытой сути.
Звучала музыка, превосходящая речь смертную.
580. Как если бы из чаши золотой Блаженства всеохватного
Восторг божественного света, внезапного прозрения восторг,
Бессмертного, волнительного Слова экстаз
Излились в его сердце, как в пустой сосуд,
Повтором первого восторга Божьего,
585. Творящего во Времени младом и абсолютно девственном.
Сосредоточенное в небольшом пространстве в краткое мгновенье,
Все-Знание, спрессованное в мыслях величайших, лишенных слов,
Вселило в выжидающую тишину его глубин
Кристалл первопричинный Абсолюта –
590. Частицу невыразимой Истины,
Что явлена безмолвием душе безмолвной.
Внутри той тишины его работала богиня интенсивного творения,
И сила бессловесная её росла в нём с дружелюбием глубоким;
За явленным и непредвиденным она держала наблюденье,
595. Считая своим по праву полем владенья непредвиденного мира.
В единый луч Все-видение стянулось,
Как стягивается взгляд пристальный в невидимую точку,
Пока сквозь интенсивность одного ярчайшего пятна
Предвиденье пророческое то изображений мира
600. Не вступит в царство самого провидца.
Сверкания великого рука нагая вдруг возникла
И разорвала дымку темную Неведенья:
Невероятно острый кончик пальца её, направленного в эту темноту,
Ударом пламени раскрыл всё то, что было скрыто в Запредельном.
605. С вниманьем, пробудившемся в безмолвных высях транса,

- Невообразимое умом цепляя,
Одним рискованным прыжком оставив позади себя
Скрывающую сверхсознание стену – такую черную, высокую, -
Она ворвалась с вдохновенной речью, как с косой,
610. И силой захватила Непостижимого обширное владенье.
Она, как сборщица мельчайших зерен Истины,
Связующая воедино бесконечный опыт,
Проникла в охраняемые тайны Силы Мира,
В её магические методы, укрытые во многие покровы;
615. Она же собирала те потерянные тайны, что Время обронило
В забитых пылью щелях, лежащих по маршруту восхождения,
Средь старых и заброшенных мечтаний спешащего Ума
И похороненных следов забытого давно пространства.
Путь меряя от бездны перевозданной и до вершины горней,
620. Она соединяла все незримые глубины и далекие края
Иль по дорогам Неба и Ада стремительно неслась,
Преследуя, как гончая ищейка, всё знание, встречаемое ею.
Как собиратель и писец рассказа мудрости сокрытой,
Сияющих минут её небесной речи,
625. Она пророку и провидцу передавала,
Используя невидимую службу оккультного ума,
Тот самый сборник вдохновенный Истины мистической.
Как архивариус опросного листа богов
И как глашатай молчаливых восприятий самого Всевышнего,
630. Она несла слова бессмертные всем смертным людям.
Над тонким и сверкающим изгибом разума
Освобожденные, как воздух, что блистающим туманом луну скрывает,
Широкие пространства виденья без всякого предела, без границы
Вплывали в круг познаний духа Ашвапати.
635. И душу его, что странствовала здесь, встречали океаны бытия,
Безмолвно призывая к бесконечному открытию;
Вневременные царства радости и абсолютной силы
Здесь простирались в вечной тишине;
Дороги, что к счастью бесконечному ведут,
640. Бежали сквозь просторы созерцанья, как улыбки грёз:
Здесь в золотом мгновении блеска стояла обнаженной степь,
Лежащая под ярким солнцем в Бесконечье этом непроторённом.
Вдоль обнаженного изгиба в «Я» безграничном,
Бегущие сквозь сердце скрытое явлений мира
645. Дорог тех точки следовали друг за другом
По неопределимой линии, что Вечность неустанно сквозь года несёт.
Вселенского Ума магический порядок,
Что заставляет бесконечности свободу испробовать в себе
Всю композицию суровую явлений знаковых Природы
650. И жизни бесконечные сигналы событий важных,
В законы превращал случайные возвраты,
В гармонию вселенной – хаос знамений.
Благодаря богатым чудесам и сложным завиткам,
Что проявляет танец духа под маскою Материи своей,
655. Гармония узора мира становилась всё яснее:
И в самоустановленном порядке симметрия его воздействий,
Справляемых в далеких перспективах души,

- И реализм искусства иллюзорного его,
И логика познания интеллекта безграничного,
660. И вечности меняющейся магия его.
Взгляд брошен был на нечто неизвестное ещё,
И сразу проступили буквы Слова неизменного вовеки:
В невыразимом, непреложном Изначалье
Стал виден след Идей, что сотворили мир,
665. След, что всплывает из морей бездонных.
И в землю черную Природы транса было посеяно
Слепого и огромного желанья Духа семя,
И древо космоса было зачато из него -
Магические ветви раскинуло оно сквозь сон пространства.
670. Реальности бескрайние приобрели определенный облик:
Из тени Неизвестного выглядывала там
Лишенная телес Невыразимость, что видела рождение Бога
И попыталась добыть из смертного ума и сердца
Божественное имя и тело, неподверженное смерти.
675. Вот, губы неподвижные, громада сверхреальных крыльев,
Лицо, укрытое Сном сверхсознательным,
Глаза, что видят всё сквозь сомкнутые веки,
Явили Архитектора, который строит в состоянии транса.
Проглянуло извечное желание, родившееся в полной Пустоте,
680. И тотчас же увидел Ашвапати надежду, что никогда не спит,
Узрел того, кто вечно старается догнать Судьбу, что мимолётна,
Познать невыразимый смысл мечты, что беспредельна.
Мелькнувший лишь на миг, незримый для Ума,
Как если б сила Бога огнем его сигнальным осветила,
685. Мир лучезарный Истины бессмертной
Сверкнул звездой неясной на границе ночи
Над золотом блистающей гряды Сверхразума.
И сквозь покров искусный он сразу же увидел
Любви улыбку, что одобряет долгую игру,
690. Спокойную терпимость, грудь материнскую той Мудрости,
Что вскармливает детский смех слепого Случая,
Безмолвие, наставника великой всемогущей Силы,
Всеведущую тишину и лоно Слова, что бессмертно,
И Безвременья лик, в раздумья погруженный и спокойный,
695. И творческое око Вечности.
Ниспосылающая вдохновение богиня вошла в грудь смертного
И создала там место для изучения божественного знания,
Святынище пророческого монолога,
Где воссела на треножнике¹ ума:
700. Расширилось всё высшее и осветилось низшее.
И в сердцевине низшей темноты она раскрыла источник света,
Глубинам неоткрытым навязала форму,
Вибрирующий гул придала неопикуемым просторам и
Сквозь шири необъятные, безбрежные, беззвучные, беззвездные
705. На землю принесла частицы откровений мысли,
Что высечены были ею из тишины того Невыразимого.

---

¹ По преданию главная жрица-прорицательница Дельфийского оракула сидела во время прорицаний на огромном золотом треножнике. Здесь Шри Ауробиндо отсылает нас к трем опорам, трем элементам ума. Это - физический ум, витальный ум и ментальный ум.

- Глас в сердце произнёс невыраженное словами Имя,
Мечта той Мысли, что странствует сквозь Космос в поиске всевышнем,
Вошла в незримый и запретный дом:
710. Божественного Дня богатство нашлось в том доме.
Светильник драгоценный загорелся в глубоком подсознании;
Вверх поднятый, он высветил сокровища Пещеры той,
Где спят они, укрытые густою темнотой
И охраняемые лапами дракона Ночи;
715. Их не используют скупые торговцы чувств,
Хотя они значением бесценным обладают для спасенья мира.
Та темнота, несущая рассвет в своей груди,
Искала вечный, видимый издалека, ответный луч,
Прихода ожидая божественного света,
720. Спасения потерянных сокровищ Солнца.
Растроченные беззаботно при расточительном создании творенья,
При тратах Бога в силу щедрости Его великолепной,
Ушедшие на стройки мира, не имеющего дна,
И спрятанные там ворами этой бездонной Глуби,
725. Лежат сокровища златые Предвечного,
Сокрытые от взгляда и касания, и даже от намеренья любого,
Хранимые в слепых пещерах океана неведенья глубокого,
Чтоб люди не нашли их и не стали Богам подобны.
Незримые высоты видение озарило,
730. И из глубин беззвучных воссияла мудрость, открывшая
Истолкование глубокое, что возвеличивает Истину,
Перестановку жизни грандиозную из Ночи в День;
Сменились мира ценности, цель этой жизни возвышая;
Пришли и слово мудрое, и мысль гораздо шире той,
735. Что может принести неспешный труд ума людского.
И пробудилось чувство тайное, которое постичь могло
Его Присутствие, Величие Его повсюду.
Вселенная сейчас же перестала быть вихрем бессмысленным,
Кружащимся инертно внутри машины необъятной;
740. Отбросила она свой грандиозный и безжизненный фасад,
Она теперь – не механизм и не случайная работа,
Но проявление живое движенья тела Бога.
Дух, скрытый в силах тех и формах тех,
Свидетелем живого представленья стал:
745. Та красота и чудо непрерывное
Зажгли в себе Неявленного свет.
В нём двигался Предвечный, лишенный формы,
Ища в явлениях и душах ту форму для себя, что станет совершенной.
Жизнь больше не напоминала тупого и бессмысленного образа.
750. В борьбе и продвижениях этих Ашвапати видел
Тяжелый труд рожденья божества.
Загадочное знание при этом маскировалось под Неведенье;
Судьба необходимостью незримой покрыла
Игру возможности случайной всемогущей Воли.
755. Восторг и слава, и очарованье -
Бог Всеблаженный в сердце был неузнанным ещё;
Страдания мира стали искупленьем за брошенное в тюрьму блаженство.
Причастье радостное скрашивало в Ашвапати часы, спешащие неумолимо;

- Дни шествовали по предначертанной судьбой дороге,
760. А ночи стали спутниками духа, созерцающего путь.
Вот, душу Ашвапати небесный импульс оживил;
Прогулка медленная Времени сменилась чудесным маршем;
И божий Карлик² воспарил к незавоёванным мирам,
Поскольку для победы полной одной земли Ему недоставало.
765. Лишь прежде только отмечающая Силы поступь,
Тяжелую, слепую по ничтожным головам людским,
Жизнь стала тотчас же уверенным сближением с Богом,
Существование – божественным экспериментом,
Вселенная – благоприятной перспективой души.
770. Мир стал зачатием, рождением Духа
Внутри живых фигур Материи -
Природа в своей утробе выносила в муках Бессмертного,
Чтоб к вечной жизни смогла она взойти через него.
В покое недвижимом светлом лежало Ашвапати существо,
775. Купаясь в родниках чистейшего божественного света;
Оно блуждало в полях обширных мудрых внутреннего «я»,
Что были освещены лучами солнца вечного, бессмертного.
«Я» тела его тонкого как раз
Могло поднять земные части существа к высоким планам
780. И ощутить на них дыхание небесной атмосферы.
Оно уже вершило путешествие своё к божественным высотам:
Ветрами быстрокрылой радости влекомое наверх,
И к Свету вознесённое, который удержать всегда не в силах было,
Оно ум к высочайшей Истине приблизило,
785. И обрело способность жизни ощущать блаженство.
Всё в нас подавленное прежде стало проявляться.

- Пришло освобождение души от тёмного Невежества -
То было первое духовное открытие ума и тела Ашвапати.
Обширное познание Бога излилось свыше,
790. И изнутри расширилось познание мира:
Все мысли повседневные при этом обратились к Истине, к Единому,
Все самые обычные дела наполненными стали Светом внутренним.
Пределы осознав, которые Природа от нас скрывает,
И на движения Её, что превосходят наш кругозор, настроившись,
795. Единым с непрявленной Вселенной стал Ашвапати.
Его способность воспринять удивила источники Её энергий мощных;
Он говорил с неведомыми нам Хранителями всех миров,
Узрел он формы те, которые наш смертный глаз не видит.
Его открытые глаза телами наделяли сущностей незримых,
800. Космические силы в их работе видел Ашвапати,
И ощущал оккультный импульс за волей человека он.
Секреты Времени были прочитанною книгой для него,

---

² Здесь Шри Ауробиндо намекает на мифологическую фигуру карлика Ваманы - аватара бога Вишну, - который пришел к царю по имени Бали, завоевавшему весь мир, в виде карлика и в награду за своё благословение попросил у царя землю, которую он может покрыть за три шага. Царь, не зная, кто перед ним стоит, согласился, сказав: «И это всё?»

Карлик стал расти и первым шагом покрыл всю землю, небо, небесные планеты и остальную часть Вселенной. Сделав второй шаг, Вамана пробил оболочку вселенной, откуда во вселенную просочилась капля Причинного океана. Третий шаг сделать было некуда, и царь, склонив голову, предложил сделать его прямо на неё, полностью подчинившись божеству.

- Ибо все записи прошедшего и будущего
Прорисовывали на странице неба свои отрывки.
805. По воле и мастерству Создателя, единый гармоничный
Представитель человеческий вышагивал на равных с Богом;
Дела его не изменяли пламя внутреннего мира.
Вот, так ковалось на земле величие его поступков.
В его телесных клетках вырос дух живой,
810. Который понимал значение судьбою ограниченных деяний,
Похожих на движение незавершенных Сил
Вне свода жизни в необъятные просторы духа.
Он жил уединенно, ум ограничив этим уединеньем,
Как полубог, который формирует людские жизни:
815. Стремленье одного воодушевляло род людской;
Никто не знал, откуда появилась Сила, что начала работу.
С ним были связаны вселенские источники её;
Он привлекал энергии, которые века преобразуют,
Земную малость наполняя их безграничной мощью.
820. Великие мечты, неизмеримые обычным взглядом,
Он делал формой для грядущих дел,
И на фасаде лет он в бронзе отливал свои деяния.
Опережали продвиженье человечества его шаги сквозь Время.
В глубоком одиночестве сверкали солнцем его дни.

Конец Песни третьей

Песнь четвертая ТАЙНОЕ ЗНАНИЕ

- Достиг он высоты, с которой его взору открывались выси горние.
Начальные сближенья наши с бескрайним, безграничным Бесконечьем
Сверканиям зари подобны, что алеет на далеком горизонте,
Пока не появилось величаво солнце, сокрытое ещё за небосклоном.
5. Сейчас мы видим только тень того, что позже будет совершаться.
Земной взгляд в Неизвестность отдаленную -
Лишь предисловье к восхождению геройскому
Души людской из состояния блёклого земного
К открытию «я», которое потом великим станет,
10. К сверканиям далеким Света вековечного.
Мир этот наш – начало и основа,
Где Жизнь и Ум воссоздают свои структурные мечты;
Реальность строить здесь должна божественная Сила.
Мы есть совсем не малость, ограниченная смертью:
15. Бессмертные просторы, позабытые сейчас,
Открытья ждут в «я» наших высших;
Высоты безграничные, глубины бытия - всё это же, конечно, наше.
Сродни невыразимой Тайне, Мистике
И вечности во Времени, несбывшемся ещё,
20. Ближним Небесным выси те Природы.
На царства горние, сокрытые от наших поисков,
Что далеки безмерно от путей проторенных поверхностной Природы,
И высоки настолько, что простые смертные дышать не могут там,
Нам указывает позабытое в глубинах наших кровное родство,

25. А робкий голос транса и молитвы
Зовёт к тем светлым безграничьям, что утеряны сейчас.
Когда мы даже в наши души не в состоянии заглянуть
Иль остаемся, погружившись целиком в сознании земном,
Всё ж есть в нас нечто, что возрастает к свету -
30. Ведь есть и светлые места, и небеса спокойные,
Как и сокровищницы блеска и экстаза,
И храмы божеству, которого никто не может видеть.
В нас ещё дремлет память хаотичная, аморфная,
Но иногда, когда наш взор направлен внутрь,
35. Вуаль невежества земного спадает с наших глаз;
Высвобождение короткое чудесное при этом настаёт.
Ту узкую полоску зажато тисками опыта,
Мы оставляем позади отмеренной нам жизни,
Её пространства слишком малого, шагов наших коротких.
40. В те одиночества великие часы души людские могут пребывать
В безмолвных царствах стойкого негаснущего света,
И на орлиных пиках спокойной Силы, откуда видно всё,
И в луноликих океанах скоротечного бездонного Блаженства,
И в тихих беспредельных пространствах духа.
45. В процессе постепенного раскрытия «Я» здесь, на Земле,
Невыразимая Мистерия, случаясь, избирает
Для нисхождения своего ту иль иную оболочку человека.
Тогда дыхание приходит из небесных высей,
Присутствие рождается, и пробуждается Свет путеводный,
50. На средства для достижения цели ложится тишина:
Похожее на монумент из мрамора, лишённое движений
И с каменным спокойствием становится опорой тело,
Что образ вечного Покоя поддерживает стойко.
Иль Сила откровения врывается, сверкая;
55. Из некоего пространства высшего обширного прорыв свершает Знание,
Влекущее с собой свои лучистые моря,
И с трепетом дрожит Природа от силы пламени его.
Случается, что нами овладевает Личность величайшая,
В которой собственную личность мы распознаем;
60. Но можем мы поклоняться и Властителю душ наших.
Тогда нашего тела эго малое ослабевает и стихает;
И не настаивая больше на «я» своём отдельном,
Теряя значимость пустую отдельного рождения своего,
Оно наедине нас оставляет с Богом и Природой.
65. В моменты те, когда свет внутренний зажжен,
А «дорогие» гости жизни остались за порогом,
Наш дух уединяется и говорит с глубинами своими.
Сознание, расширившись, все свои двери раскрывает;
Затем вторгаясь из безмолвий духа, ненадолго,
70. Луч вечной Славы стремится вниз, чтоб причастить
Людскую нашу плоть, охваченную им и озаренную,
И оставляет непорочности огромную печать на наших жизнях.
При этом в области забвенья смертного ума,
Всплывают вечности сигналы,
75. Проявленные в трансе сомкнутым глазам провидца
Иль обнаруженные чудным нематериальным чувством

- В уединении глубоком сокровенном.
Приоткрывает лик свой истина, которую не смог познать бы ум,
Мы слышим то, что уши смертного не слышали ни разу,
80. Мы ощущаем то, что чувство смертного не ощущало никогда,
Мы любим то, что отвергает и чего страшится простое сердце;
Наши умы смолкают перед Всеведеньем лучистым;
К нам из палат души взывает Глас;
Испытываем мы тогда восторг прикосновенья Божества
85. В уединениях золотых бессмертного огня.
Все эти знаки являются родными «я» большому,
Которое живет внутри, невидимое нами;
Но только иногда священное касание приходит к нам,
И наши жизни несёт поток волн более могучих,
90. А душу нашу двигает Присутствие божественнее прежнего.
Иль иногда сквозь покрова земные к нам что-то пробивается,
Быть может, милость и красота духовной искры,
Журчащим языком небесного огня взлетая.
Это – мы сами и чужестранец высший, его и ощущаем мы,
95. Он существует и действует незримо, как будто бы его и нет;
Он следует согласно линии рожденья бесконечной,
Хотя и кажется, что умирает вместе с оболочкой смертной.
Уверенный, что существует Апокалипсис,
Он не считает ни мгновенья, ни часы;
100. Великий и спокойный – он видит, как текут века,
И терпеливо ожидает чуда измененья человека
В неспешном поступательном движении силы мира
И долгом марше Времени, который раскрывает суть явлений.
Он – и источник, и главный ключ к разгадке,
105. И тишина над головой, и голос внутренний,
И образ верный, что утвердился в сердце,
И широта, не окружённая стенами, и точка, что неизмерима и бездонна,
И истина явлений тайных всех в Пространстве,
Реальность та, к которой устремлены деяния наши,
110. И наших жизней тайный грандиозный смысл.
Сокровище в пчелиных сотах Бога,
И яркое Величие, сокрытое покровом тёмным,
Он, и сияние божественного пламени,
Наш золотой фонтан блаженства мира,
115. Бессмертие, упрятанное в блеклую одежду смерти,
Божественности не рождённой нашей образ;
Нашу судьбу хранит он внутри глубин,
Где скоротечной сути семя вечное покоится.
В себе всегда мы носим ключ волшебный,
120. Сокрытый в герметической оккультной оболочке жизни.
Горящий пламенем Свидетель в прибежище том заповедном
Внимательно глядит сквозь Время и глухие стены Формы;
В его глазах закрытых присутствует предвечный свет;
Суть тайную он видит, которую словами не расскажешь,
125. Он знает неосознанного мира цель,
Суть таинства лет уходящих.

Но всё укрыто тайной и сокрыто в подсознании;

- Необходимо развернуться внутрь себя, а сердце сделать интуитивным,
Необходима сила зрения такого, которое в духовное обращено.
130. В противном случае ум, пробудившийся, своим коротким взглядом
Представит путешествием бесцельным сомнительный тот курс,
Который Случай проложил или которым он отважился идти по некой Воле,
Иль курс покажется ему Необходимостью без цели и причины,
Которую насильно проявили и быть заставили.
135. В этом пространстве плотном нет ничего простого или ясного:
Само людское существо нам кажется проблемным,
Жизнь наша – экспериментом смутным,
Душа – светом, трепещущим в каком-то странном и невежественном мире,
Земля – брутальной механической случайностью,
140. Какой-то паутиной смерти, в которой мы по случаю живем.
Всё то, чему мы научились, нам кажется сомнительной догадкой,
Достигнутый успех – всего лишь переход, всего лишь стадия развития,
И отдаленный результат того успеха скрыт полностью от взора нашего,
Будь то счастливый шанс или случайная судьба.
145. От неизвестного мы к неизвестному идем.
Существование наше преходящее здесь вечно окружают
Вопросов безответных сумрачные тени;
Упрятанные в тьму глухую тайны Несознания, лежат они
Сокрытыми от нас до линии начального отсчета судьбоносной Жизни.
150. В бездонном океане Ночи чьё-то устремление -
Плод тела бренного и полутемного ума
Свой одинокий язычок сознательного пламени вздымает
К неумирающему Свету, потерянному в вечности;
Плод этот слышит одиноким откликом на зов свой
155. Ответ туманный в сердце человеческом несведущем.
И видит он согласие Бога на этот бренной жизни парадокс,
Встречает он загадку нераскрытую рождения Бессмертного во Времени,
Не понимая, для чего ему пришлось прийти на эту землю
Или по какой причине здесь существуют муки и страдания.
160. Вдоль по извилистой дороге вечности,
Сквозь Времени пески Земля-Богиня тащится с трудом,
Во мраке, по спирали, не ведая о цели восхождения.
В ней Существо есть, которое она надеется познать,
В ней – Слово то, что сердцу говорит её, хотя она его не может слышать,
165. В ней – та Судьба, что принуждает, но обличье это она не может видеть.
Сквозь Пустоту по подсознательной орбите,
Из собственных глубин, лишенных всякой мысли, она стремится ввысь:
Её приобретение – рискованная жизнь, восторг борьбы;
Мышление, что может рассуждать, но вряд ли знает,
170. В ней медленно растит и создает идею, речь,
Что большей частью прозвища дает, чем освещает;
Трепещущая радость, что блаженства, несомненно, меньше,
Распространяется из этой красоты, которой умереть придется.
Тревожимая грустью, влачащейся у ног её,
175. И осознавая высшее, которое не завоевано ещё,
Она в своей груди неутомимой питает беспрестанно
Стремление внутреннее, что отбирает у неё покой и отдых.
Погрязшая в невежестве, уставшая, но и неукротимая в стремлении своём,
Она, пройдя сражения души и трепет боли, пытается найти

180. То совершенство чистое, что так необходимо её природе искаженной,
И Божества дыхание, чтоб грязь смести с её породы.
Она желает страстно веры, что может поражение пережить,
И сладости любви, которая не знает смерти,
И воссиянья истины, бесспорной вечно.
185. Растет в ней свет, она приобретает голос и учится воспринимать
Реально состояние своё и дело, сделанное ею,
Лишь истина одна, необходимая, от пониманья ускользает у неё:
Кто есть она, и символом чего она является.
Её шаги в движение приводит бессловесный шёпот,
190. В котором ощущает она силу, но смысл ускользает от неё;
Лишь редко к ней намёки прибывают в качестве ориентиров,
Безмерные божественные вспышки раскалывают мозг её,
И только иногда, в часы её раздумий и мечтаний,
Потерянная ею истина приходит как будто бы издалека,
195. Хотя, на самом деле, изнутри её души.
То измененье, что догадок сторонится, вплотную приближается,
И, до сих пор отложенное, оно всё ж принуждает пробовать, надеяться,
Хотя и кажется великим чересчур, чтобы отважилась на это бременная надежда.
Её встречает образ небесных Сил -
200. К себе влекущих Сил потерянной до сей поры божественной родни,
Идущей к ней с высоким, ярким, отрешенным взглядом.
Итак, она приблизилась к тому, чем не была еще,
И тянет руки к тому, что никогда ей не принадлежало.
Протягивая их из неосознающей Пустоты,
205. Со страстью молится она незримым образам Богов,
Вымаливая у Судьбы безмолвной и труженика Времени то самое,
Что очень нужно ей и что намного превосходит её пределы:
Ум, никогда не поражаемый блеском иллюзий,
И Волю, что выражает божественность души,
210. И Силу, не понуждающую к отступленью из-за скорости своей,
И Радость, что не тянет за собою тенью горе.
Она стремится к Ним и чувствует: Они ей суждены,
И эту привилегию небес она истребует как своё собственное право.
Законность её права всевидящие Боги одобряют,
215. Поскольку ярче разума людского мир освещает их горний свет:
Интуитивные прозрения нам подтверждают это,
И наши души принимают то, что отвергают слепые рассужденья.
Земли крылатые химеры являются небесными конями Истины и
Знаком невозможности от Бога на том, чему быть непременно суждено.
220. Лишь некоторые могут выйти за пределы настоящего,
Иль перепрыгнуть эту путаную изгородь рассудка.
Всё, что случается здесь на Земле, и всё, что позади Неё, -
Лишь части плана, который в сердце своем хранит Единый,
И о котором знает лишь он один.
225. Свое зерно внутри себя всегда содержат все внешние события,
И даже эта произвольная Судьба, что подражает Случаю, -
Большая груда непонятных результатов -
Собой являет диаграмму истин, что действуют незримо:
Законы Неизвестного творят известное само.
230. Те результаты, что принимают форму внешних проявлений наших жизней,
Они, как коды некие вибраций, лежащих за порогом осознания,

- Которые мы смутно ощущаем и которые нас удивляют иногда,
Как некие последствия подавленных реальностей,
Что возрождаются с трудом в материальном мире:
235. Их порождают силы, скрытые, духовного светила,
Которые сквозь случай чрезвычайный туннель копают к свету.
Но кто проложит путь в таинственную бездну и узнает,
Что за глубокая потребность души людской
Определила действие случайное и результат полученный?
240. Наши глаза поглощены рутинной повседневных дел,
Они устремлены на внешние картины;
Мы слышим сильный грохот лишь случившихся событий
И удивляемся причине скрытой существующих явлений.
Однако нашим могло быть Знание, предвидящее суть,
245. Если бы навсегда мы дух наш утвердили внутри себя
Иль если могли бы слышать приглушённый голос духа этого.
Увы, нечасто тень того, что в будущем произойдет,
Проявлена бывает в настоящем чувству тайному,
Что ощущает потрясенье от незримого,
250. И изредка, лишь для немногих, кому ответ дарован,
Могущественный ход развития вселенской Воли
Приоткрывает образ свой,
Отождествляя разум мира с нашим разумом.
Арена нашей жизни ограничена дугою, наполненною плотно тем,
255. Что наблюдаем мы, и ощущеньями, догадками, оценками,
И только иногда Неведомого свет здесь появляется,
Чтоб пробудить провидца и пророка в нас.
Лишь внешнее, ближайшее, прямое - вот поле для деяний наших,
А умершее прошлое – всего лишь наша подоплёка и поддержка;
260. Ум держит душу узницей, а мы – рабы своих поступков;
Чтоб солнца мудрости достичь, нам нужно освободить свой взор.
Преемник мимолётного животного ума,
По-прежнему, ещё дитя в руках могучих земной Природы -
Наш человек живет в ряду мгновений, сменяющих друг друга;
265. И только настоящее ему присуждено менять,
Но память его смотрит в тень прошлого,
А будущее ускользает от внимания при каждом его движении вперед;
И видит он не истину, но лишь воображаемые одеяния её.
Вооруженный ограниченной и ненадежной силой,
270. Спасает он труды свои от случая враждебного ему.
Невежество, что бьется внутри него – помощник его решений:
Он ждет, чтобы увидеть результат своих деяний,
Он хочет оценить всю несомненность своих мыслей,
Не знает он, чего достигнет или когда искомое случится;
275. Не знает даже он, останется в живых весь род людской в конце концов
Или закончит жизнь свою как мастодонт,
Который был царем зверей, но навсегда с земли исчез.
Не знает он и смысла своей жизни,
И о своей судьбе высокой и блистательной он также ничего не знает.
280. Лишь существа бессмертные, что обитают на небесах своих,
И пребывают вечно вне Времени и вне Пространства, -
Хозяева людского жития, свободные от кандалов мышления,
Смотрители Судьбы и Воли, и Случайности,

- Эксперты теоремы устремленья мира -
285. Они лишь могут видеть ту Идею и Силу ту, что Времени течение меняют,
Ту Мощь, что с гривой света приходит из нераскрытых ещё миров,
И слышать, пока мир с усердием глубоким слепо трудится,
Галоп копыт событий непредвиденных
Сверхчеловеческого Всадника, несущегося рядом,
290. И обращаться снова к безмолвным высям Бога,
Невозмутимо наблюдая за назойливым гудением земли и криками испуга;
Они передвигаются молниеносными скачками, как будто раскаты грома,
И оставляют свой след на попанной груди обычной Жизни.
Над миром этим стоят его творцы,
295. Мистический источник они видят в его явлении.
Не обращают внимания они на внешнюю игру, сбивающую с толку,
Не замечают суетливые тяжелые шаги мгновения,
Но слушают с терпением спокойным Нерожденных
Судьбы далекой медленную поступь,
300. Что приближает Её к нам из Времени немыслимых глубин,
Не слышимую средь людского гама поступь,
Не замечаемую глазом, который лишь видит результат и повод.
Внимательные к Истине невидимой, они воспринимают
Звук, словно бы от крыльев незримого авгура,
305. И голоса неизмеримой важности,
И шепот, исходящий из сна вещего Материи.
В звучании этом проникновенном услышать они могут
Приглушённый голос, что ухо Жизни беззаботно пропустило,
Пророческую речь всеведущего транса Мысли.
310. И за иллюзией надежд, что мимо пробегают,
За видимостью внешней и явным действием,
За этим точным Случаем и предположением смутным,
Среди сражения сил, средь ног, вытаптывающих всё вокруг,
Сквозь крики радости, страдания и боли,
315. Сквозь торжество побед, сражение, отчаянье
Они Блаженство наблюдают, к которому сердце земли вzywало,
На той дороге долгой, конца которой ещё не видно.
Сквозь дни сомнений ведет дорога эта, и именно по ней
Ведут они беспечный трогательный мир.
320. Одетый в тайну Запредельный ещё взбирается на трон свой.
Когда сжимая грудь земли, тьма уплотняется,
А ум людской физической становится единственным светилом,
Безмолвной, скрытной будет поступь - как у вора в ночи -
Того, кто тихо и незримо входит в своё жилище.
325. Неслышный Голос после скажет, и душа послушно подчинится,
И Сила проскользнет в покои сокровенные ума,
Очарование и свежесть откроют двери жизни, закрытые доселе,
И красота преодолет сопротивляющийся изменению мир,
Свет Истины охватит неожиданно Природу,
330. Уловка Бога тайная заставит наполниться блаженством сердце,
И неожиданно земля божественною станет.
В Материи при этом зажжется пламя духа,
Рождение святое возгорится в людях - от тела к телу;
Гимн звезд разбудит полностью ночное небо,
335. Дни станут пилигримов счастливым маршем,

А наша воля – силой Вечности могучей,
При этом мысли будут лучами светлыми божественного солнца.
Немногие увидят то, что до сих пор никто не понимает;
Состарится успеет Бог, пока все мудрецы ведут беседы и почивают;
340. И человек его приход не осознает, пока не будет сделана Работа,
И веры в нём не будет, пока час Бога не пробьёт.

Сознание, что истины своей не знает - подобное искателю,
Блуждающему в поисках обманчивых рассветов
Меж намерений светлых и тёмных существа его, -
345. Здесь в полумраке странствует, который светлым миром кажется ему:
Тот промежуток в царствии Реальности
Мышление целостное пресекает и отсекает Силу абсолютную;
Оно стоит иль с непонятным интервалом движется по кругу,
В сомненьях пребывая о своем начале и о завершении своем,
350. Иль по дороге следует, которой нет конца;
Вдали от изначальных Сумерек, вдали от Пламени финального,
В пустом огромном Несознании живет оно,
Подобно мысли, существующей настойчиво в обширной пустоте.
И словно неразборчивая фраза,
355. Внушившая Уму несметный ворох толкований,
Оно значением наделяет случайный мир.
Предположение, что зиждется на доводах сомнительных,
Послание непонятное, запутанная мысль,
Теряющая цель свою, есть всё, что может выразить оно:
360. Сознание это выражает только часть вселенского божественного слова.
Оно два исполинских знака только оставляет без движенья, и слово это теряет
смысл³,
При этом без разрешения вращает средний знак,
В себе несущий универсум, тайною сокрытый,
Как если б настоящее одно без прошлого, без будущего вкупе,
365. Круженья тот же самый цикл повторяя,
Вращалось вокруг своей оси в своем пустом Пространстве.
Сокрыт творения смысл в таком сознании;
Без всякого контекста оно читает эту вселенскую страницу:
Все знаки эти всматриваются в нас неведомым рисунком,
370. Как если б явлены нам были они на языке чужом
Иль шифром символов, сверкающих без всякого ключа к разгадке,
Как часть иносказания высокого.
В глазах творения брэнного оно имеет вид
Великолепья чуда бесполезного, никчемного;
375. Напрасно расточая себя, что может лишь недолго продолжаться,
Подобная реке, что моря своего не может отыскать вовек,
Вселенная течёт сквозь жизнь и смерть на острие у Времени,
И пламя ее мощных действий творит в Ночи огонь.
Глубокая потребность наша – соединить ещё раз то,
380. Что в наше время противоположно, разделено, раздвоено,
Раздвинуто по сферам независимым и встретиться не может никогда,
Или друг другу противостоит подобно полюсам разноименным Дня и Ночи.
Должны заполнить мы пробел огромный, сотворенный нами -

---

³ Мудрецы древности говорили, что вселенское божественное слово OM состоит из трех знаков или звуков: А, U и M (AUM). Средний знак U, по мнению Шри Ауробиндо, обозначает UNIVERSE – Вселенную.

- Необходимо воссоединить одну закрытую согласную, стоящую в конце⁴,
385. И гласные открытой Бесконечности, стоящие в начале⁵;
Материю и Ум здесь дефис должен соединить -
Короткая и узкая тропинка души, ввысь восходящей:
Должны восстановить мы связь сущего всего, что тайною укрыта,
Сердца наши - призвать утерянную нами Идею Бога,
390. Восстановить то Слово совершенное, объединить
И Альфу, и Омегу в одном священном звуке;
Тогда существовать будут в согласии Дух и Природа.
Две эти части станут завершением таинственного плана.
В обширном и лишенном формы и знаков эфире «Я»,
395. В Безмолвьи неизменном, белом, обнаженном,
Сверкая отстраненно, как золотые ослепительные солнца,
Сокрытые в лучах, через которые глаз смертного смотреть не может,
Чистейшие, ничем не ограниченные силы Духа
Сияют пламенем в уединении мыслей Бога.
400. В его блаженстве неотъемлемом
Живут восторг, сияние, тишина
Вдали от Силы, что кричит о своей боли:
Избавлены они от близости израненных сердец
И отвергают ложную Идею горя,
405. Покоятся они невозмутимо на вечной Воле -
Безукоризненные в знании своём, в своём могуществе.
Ведь, повинуются они закону Духа и принимают во вниманье лишь его;
У них нет цели что-то постигать, намерения служить кому-то.
В своей непреходящей чистоте неумолимо отвергают они
410. Любой обмен или оплату в виде поклонения;
Их не колеблет ни молящийся невежда, ни крик протеста,
И во внимание не принимают они наш грех и добродетель;
Не подчиняются они тем голосам, что умоляют,
Не держат они и отношений с господством фальши;
415. Защитники они безмолвья Истины,
Хранители закона неизменного.
Источник их могущества – Отождествление себя с Божественным,
Глубокое предание Ему себя – путь к их познанию.
Покой, подобный сну, является их действием.
420. Взирая на борьбу нашу глазами беспристрастными,
В покое пребывая независимом от бед, под звездами,
Глядят они, бессмертные, на действия Случайности и Смерти,
Недвижно наблюдая движение тысячелетий.
Не трогают их развороты длинной карты Судьбы,
425. И всё ж без этих проявлений Духа вселенная быть не смогла б.
Глухой к мольбам, желанию, надежде и судьбе,
Их центр нерушимого могущества, движений никаких не проявляя,
Поддерживает грандиозную задачу мира.
Свет знаний их не позволяет умереть ей из-за неведения,
430. Их безразличие хранит стремление её.
Подобно высоте, что побуждает низкое всегда взбираться вверх,
Подобно широте, влекущей малое к просторам приключения,
Их отчужденность побуждает человека превосходить себя.

⁴ «М» – согласная с закрытым звуком.

⁵ «А» и «У» гласные с открытым звуком, которые вместе с согласной образуют слово «AUM».

- Вздывается страсть наша, чтоб соединиться с покоем Вечного,
435. Наш карликовый ум стремится свет Всеведущего встретить,
Сердца беспомощные наши тщатся силу Всемогущего лелеять.
Явления Духа, неохотно соглашаясь с мудростью, что ад создала,
И с горькой пользой слез и смерти,
И молча уступая Времени, идущему без остановки шаг за шагом,
440. О боли, что сердце мира жалит, кажется, не думают,
Не думают о боли, что разрывает его тело и живое существо;
Превыше радости, печали ход величия такого:
Участия они не принимают в добре, что умирает после,
Безмолвные и чистые, они не разделяют сделанного зла;
445. Иначе сила их искажена быть может и человека может не спасти.
Осознающий истину, что обитает в противоположностях от Бога,
И пробудившийся к движению всевидящей вселенской Силы,
Бессмертный видит то, что мы совсем не видим:
Лет долгих и двусмысленных итог неспешный,
450. Добро, которого не ждали, от дел несчастных.
Он смотрит на аспекты скрытые и силы, скрытые от взгляда,
И видит он закон и ход событий истинный естественный.
Его не побуждают к действию желания своей короткой жизни,
Его не беспокоят шпоры жалости и страха,
455. Он не торопится распутать узел космических проблем
Иль сгладить скрип, что раздирает сердце мира.
Во Времени он ожидает часа Вечности.
Но всё же тайная духовная поддержка есть на Земле;
Пока неспешной Эволюции витки раскручивают жизнь,
460. И через твердь Природа прорубает себе дорогу,
Над всеми этими делами царит влияние Бога.
Живые в неживой кружащейся вселенной
Мы пребываем совсем не на случайном небесном теле,
Заброшенными для решения задачи непосильной;
465. Ведь, даже сквозь сложный хаос, называемый Судьбою,
Сквозь горечь смерти и паденья
Мы ощущаем божью Руку, простертую над нашей жизнью.
Присутствует она в телах бесчисленных и при рождении нашем;
Своей железной хваткой она реализует безотказно
470. Итог единственный предельный неизбежный,
Который никакая воля не в силах отобрать и рок не может изменить;
Она хранит Бессмертия корону, сознательного полностью,
Божественность, обещанную нашим борющимся душам,
Когда отважилось в страдании жить и умереть впервые сердце человека.
475. Создатель мира нашего – его владыка вечный:
Ошибки наши все –шаги его по предначертанной дороге;
Работает он с помощью превратностей жестоких нашей жизни,
Работает он с помощью тяжелого дыхания труда и битвы,
Работает он с помощью слёз наших и грехов, и горестей,
480. И знание его главенствует над всем незнанием нашим;
Ведь при любых явлениях, лежащих на наши плечи,
И при любых болезнях настоящих и коллизиях судьбы,
Когда кругом мы видим лишь бездействие и горе,
Нас через все невзгоды спокойно и безмолвно могучее Водительство ведет.
485. Как только мы того заслужим в великом этом мире, разделённым на куски,

- Единство с Богом и его блаженство врожденным нашим правом станет.
 В календаре Неведомого нам зафиксирована дата -
 Рожденья годовщина гордого, высокого:
 Тогда изменчивый свой шаг душа людская оправдает,
490. Всё станет близким, что сегодня нереально или слишком далеко для нас.
 И, наконец, спокойные и отчужденные Могущества начнут свою работу.
 Бесстрастные, готовые к задаче, предназначенной для них,
 Великолепя силы, что сострадают в мудрости своей извечной,
 Ждут звука гласа Воплощенного, чтоб прыгнуть
495. И преодолеть глубокую расселину Неведенья,
 И исцелить всю пустоту тоскующих разливов Жизни,
 И бездну ту наполнить, которая является вселенной нашей.
 Тем временем здесь и сейчас на полюсе, противоположащем Духу,
 В мистерии глубин, которые Бог приспособил
500. Для своего жилища, скрытого от размышляющего взгляда,
 При компромиссе твердой абсолютной Истины
 И Света, что пребывает рядом с тёмной стороной явлений,
 В трагикомедии божественного маскарада –
 Этом далёком долгом поиске восторга, вечно длящегося рядом, -
505. В мечте великой, из которой создан мир,
 Под сводом золотым, что опирается на спину черного дракона⁶,
 Сознательная Сила, что действует в груди Природы -
 Работница в одежде темной, претворяющая замысел космический,
 Несущая в себе лишь образы богов, что были ещё не рождены,
510. Душеприказчица Идеи неизменной,
 Стесненная в движениях, охваченная кольцами Судьбы -
 Высвобождает час за часом секретный свой заряд,
 Как попечитель терпеливый вечного и медленного Времени.
 Предвидит всё она в своих глубинах властных, скрытых маской;
515. Стремление немое бессознательных пучин
 При этом отвечает перед волей, что на высотах зрит,
 А Слова первый звук – того, что разворачиваться стало⁷, -
 Тяжеловесный, грубо ощущаемый, несёт свет завершения своего.
 Причастна Сила эта к глубинам нисхождения победы величайшей
520. И к предзнаменованью восхожденья безграничного души.

- Всё здесь, что кажется отдельным существом,
 Есть только образ трансцендентного Единого:
 Все существуют только благодаря ему, их жизнь – это его дыхание;
 Забвенья глину отливают в форму его незримое Присутствие.
525. Партнером по игре с могущественной Матерью
 Пришел Он на планету, что кружится в полнейшей темноте,
 Чтоб в форму человека спрятаться от поиска Её⁸.
 Он был сокрытым духом в Несознания сне,
 Бесформенной Энергией, беззвучным Словом,
530. Он был здесь раньше, чем появились все начала,
 Чем жизнь смогла дышать и появился свет ума.
 Сообщником являясь Её вселенского притворства,

⁶ Черный дракон – согласно Ведам это Несознание или Неведение.

⁷ АУМ.

⁸ Шри Ауробиндо в соответствующем афоризме говорит, что Бог и Природа, как мальчик и девочка, играющие в прятки: они прячутся и ищут друг друга.

- Он превращает образы реальные в свои подобия,
А символ назначает равным истине:
535. Всем своим мыслям вечным во Времени Он форму придает.
Он есть субстанция, и Он же - сущность всех вещей;
Она же сотворила из Него могущество своё и мастерство
И обвивает Его магией своих же настроений,
И создает из мириадов Его истин мечты свои, которым несть числа.
540. Господь существования к Ней низошел,
Бессмертное дитя среди недолговечных лет родилось.
О целях и о личностях задуманных мечтая,
Она преследует одну свою идею - о Нём,
И Её пленяет здесь взгляд, там – жест:
545. Он вечно повторяет в них свои рожденья, что непрестанно длятся.
Он есть Создатель, и Он – сам мир, который сам и создал,
Он – виденье, и Он же есть Провидец,
Он – действие, и деятель сам в нём,
Он – знание, и сам же познающий,
550. Он есть мечта, и Он же сам мечтатель.
Есть Двое, которые по сути есть Единый, - во множестве миров они играют;
И в Знании, и в Неведении они уже встречались и творили,
И свет, и темнота – чередование их открытых и закрытых глаз;
Боль наша и наше наслаждение – их схватка жесткая и жаркие объятия,
555. А все надежды и деянья наши – известны в их истории прекрасно;
Они повенчаны неслышно и в жизни нашей, и в наших мыслях.
Вселенная похожа здесь на вечный маскарад:
Всё, что нам кажется, не то, чем оно в сущности является;
Оно – фактически лишь видение истины в мечтах,
560. Которое в мечтах быть может лишь частичной истиной,
Явлением, что видится значительным
На трудноразличимом фоне вечности;
Мы смотрим лишь на лик и оставляем без вниманья все его значения;
Мы видим только часть и принимаем всё это за целое.
565. Так сделали они спектакль свой, а мы все в нём лишь роль играем:
Единый – автор и актер, и он же сам и сцена,
Он представляет Душу там, она – Природу.
Здесь, на земле, где должно нам исполнить свою роль,
Не знаем мы, как будет протекать ход этой драмы;
570. Речения, изложенные нами, окутаны их мыслью.
Хранит Она от взгляда нашего свой мощный план,
Скрывая и свое блаженство, и триумф
И пряча Любовь и Мудрость в своём сердце;
Из красоты Её и чуда
575. Мы можем ощущать лишь только малость приглушенную.
В приниженное божество здесь также наряжается и Он;
Он отказался здесь от своего могущества,
От прежнего покоя своего и безграничья.
Он знает лишь Её, Он позабыл себя;
580. Он отказался от всего, чтобы Её великой сделать.
Надеется Он в Ней вновь обрести себя,
В жизнь воплотить, соединить покой свой вечный
С Её экстаза творческого страстью.
Владыкою являясь земли и неба,

585. Предоставляет Ей Он управление вселенной
И наблюдает за этой сценой как Свидетель.
Статист без слов Он на Её подмостках
Иль за кулисою присутствует безмолвно.
Он принимает рожденье в этом мире, Ей принадлежащем,
590. И предугадывает смысл Её таинственного жеста,
Пытается понять тот случай, что меняет настроение Её,
Определяет Её замысел, который, вроде бы, Она не знает,
И служит Её тайной цели, уж, длительное время.
Он поклоняется Её величию, как поклоняются Богине;
595. Он преклоняется пред Ней – пред управителем своих желаний,
Он предается Ей, как матери своих желаний,
Ей возжигает фимиам своих ночей и дней
И в жертву на алтарь приносит жизнь свою.
Заступник восхищенный Её любви и милосердья -
600. Весь мир Его является блаженством в Ней:
Все силы существа Его растут через Неё;
При помощи Неё определяет Он цель Бога, скрытую во всём.
Придворный в Её свите многочисленной,
Согласный рядом быть, чтоб постоянно ощущать Её -
605. Он максимально претворяет в жизнь то малое, что создает Она,
И своим собственным восторгом украшает все Её дела.
Короткий взгляд Её чудесным делает весь день Его,
А слово, сказанное Ею, часы Его блаженством окрыляет.
Она – опора всех без исключений дел Его и самого Его:
610. Возводит Он все дни свои счастливые на щедрых Её дарах
И тащит на себе павлинье оперение восторга жизни,
И Его радость сияет солнцем от мимолётной Её улыбки.
Он всеми способами служит Её запросам царственным;
Он заставляет все часы вращаться, согласуясь с Её волей,
615. Всё отражает прихоти Её, всё только – их игра:
Весь этот мир обширный лишь есть Она и Он.
- Это – тот самый узел, что связывает вместе звезды:
Они вдвоём являются Единым – секретом силы всей,
Они вдвоём являются Единым – властью и правом в сущем всём.
620. Его душа, безмолвная, мир подпирает и Её,
Все действия Его – из списков Её заповедей властных.
Счастливый и инертный лежит Он под Её стопами:
Он предлагает грудь свою Её космическому танцу,
В котором наши жизни представляют Её волнительный театр,
625. Который вынести без силы Его внутри никто не может,
Который не отринул бы никто из-за Его блаженства.
И Ею придуманы Его дела и мысли,
И бытие Его – Её простор зеркальный:
Он говорит и действует, лишь только вдохновленный Ею,
630. И подчиняются Его дела всем молчаливым Её запросам:
Покорно переносит Он удары мира,
Поскольку Её прикосновенья формируют и душу Его, и тело:
Всё путешествие Его сквозь дни текущие – Её наполненный сияньем марш;
Бежит Он по Её дорогам по курсу, заданному Ею.
635. Свидетель Он и ученик и в радости Её, и в скорби,

- Партнер в грехе, творимом Ею, и в добром деле,
Он согласился с самого начала с Её дорогами, подверженными страстью,
И грозная, и сладостная сила ведет по ним Его.
Все действия Её Он подтверждает именем своим;
640. Его молчание скрепляет подписью Её дела;
Во исполнение замысла спектакля своего,
По прихоти момента и настроенью своему при этом,
По ходу времени в обычном этом очевидном повседневном мире,
Где всё наполнено глубинным смыслом и странно для взора видящего,
645. А образы обычные Природы являются плетеньями чудес,
Она при помощи Его свидетельского взгляда и механизма Его силы
Развертывает вещество космического Действа своего,
Своих событий, что возносят и терзают душу,
И силы движущей своей, энергий, могущих спасти и подавлять,
650. И Слова своего, что молвит в тишине нашим сердцам,
И своего безмолвья, что превосходит Слово высочайшее,
Своих высот и глубей, к которым движется наш дух,
Своих событий, что сплетают наших жизней ткань,
И всё, благодаря чему мы можем потерять или найти себя,
655. Событья сладкие и горькие, великие и мелкие,
Дела ужасные и светлые, и божии по сути.
Она создала в космосе империю свою,
И напоённые могуществом, и тонкие Её законы руководят тем царством.
Его сознание – ребенок на Её коленях,
660. А существо Его – обширнейшее поле для Её экспериментов,
Её пространство беспредельное - площадка для Его воззрений;
Она связует с ясным знанием форм Времени
И творческого заблуждения ума, границы возводящего повсюду,
И случая, что носит непреклонный лик судьбы,
665. И всей Её игры со смертью, болью и Незнанием
Его несчастное бессмертие, что было отменено для нас.
Его душа – лишь атом некой массы,
А вещество Его - Её работ материал.
Средь смерти сущего всего Его дух выживает,
670. Взбирается Он вверх по промежуткам бытия -
Его из Ночи к Свету вековечному ведет Она.
Дар добровольный Его - беспрекословное предание себя,
При этом сила трансцендентная Его покорна Её силе.
В мистерии Её вселенского незнания,
675. В загадке Её игры непостижимой
Он действует по образу, что Ею установлен для Него.
Творение, что собрано из вещества, подверженного смерти, -
Он мыслит Её мыслями, Её волнения вздымают Его грудь;
Он выглядит тем существом, каким Она хотела б Его видеть,
680. Он – это всё, что может сделать Её мастерская воля.
Хоть кажется, что забавляется Она с ребенком собственным
Иль с куклой, взятой на одно лишь представленье, иль с рабом,
Она ведет Его по непростым своим дорогам
К свободе и господству Вечности,
685. К позиции бессмертия, стоящего над этим миром.
И даже в Его смертной жизни в обличии телесном -
В обличьи путника, идущего без цели между рождением и смертью,

- Мечтающего мимолётно о бессмертии, -
Чтоб царствовать, Она его подстёгивает властно. Он принимает Её силу;
690. Он на Неё одел хомут закона, что Она же и провозгласила,
А на корону возлагает личину думы человеческой.
Сидящий на поводке Её и связанный Её капризом скрытым,
Он изучает Её дороги, как если бы хотя б на час
Он смог добиться своего, и Она стала б его волю исполнять;
695. Он делает Её рабыней своей сиюминутной страсти:
Она идет на поводу творенья своего и притворяется, что подчинилась,
Поскольку была создана лишь для него и для его лишь пользы существует.
Но даже побеждая Её, он - большей частью Её раб;
Он – Её подчиненный, все его средства Ей принадлежат;
700. Он ничего не может без Неё, Она спокойно правит им.
Но, вот, он пробуждает память «Я» своего – сути своей:
Он видит внутри себя лик божества,
Всевышний пробивается сквозь форму человека:
Вершины высочайшие свои Она демаскирует и себя являет его супругой.
705. До той поры он лишь забава в Её игре;
Правитель, вроде бы, Её и в то же время непростая Её игрушка,
Живой машиной, движимой Её источниками силы,
Он действует как будто бы во сне;
Шагая автоматом по колее Судьбы,
710. Он ковыляет, ведомый хворостиной Её Силы:
Мышление его трудится, как вол во Времени полях;
И воля, которую он мыслит своей, приобретает форму в кузнице Её.
Послушный немому руководству Природы Мира,
В движение приводимый своею собственной огромной Силой,
715. Партнером, избранным в гигантской титанической игре,
Он сделал Её волю хозяином своей судьбы,
А Её прихоть – дозатором и наслаждения его, и боли;
Он продал себя Её божьему могуществу
За благо любое или любой удар по Её царственному выбору:
720. Ведь, даже в том, что чувству нашему страданием является,
Он ощущает сладость Её руководящего касания,
И видит в каждом своем опыте Её блаженные ладони;
Всем сердцем он ощущает Её поступь счастья
И удивление от радости Её прихода
725. В событиях каждом, в случае любом.
Всё, что Она способна делать непостижимо его взору:
Он получает наслажденье в Ней, пловец он в Её море,
Поклонник он неутомимый Её блаженства миром;
Он радуется каждой Её мысли и действу каждому Её
730. И соглашается со всем, что может захотеть Она;
Стремится быть он всем, что может пожелать Она:
Он – Дух Единый, неисчислимый –
Оставил позади себя своё уединенное бессмертие.
Он – бесконечное рождение в бескрайнем Времени,
735. Её конечное сообщество существ в Пространстве бесконечном.

Хозяин жизни в нас таится
И в прятки Он играет со своею собственною Силой;
Бог тайный медлит в каждом орудии Природы.

- Как в своём доме в человеке живет Присущий нам;
740. Вселенную Он сделал полем для развлечений собственных,
Просторным залом гимнастическим для дел своих могучих.
Всезнающий – Он принимает наше состояние отсталое,
Божественный – Он входит в образ человека или животного любого;
Он – Вечный – санкционирует Судьбу и Время
745. И, как Бессмертный, развлекается со смертью.
Всезнающий решился на Невежество,
А Всеблаженный примирился быть бесчувственным.
Он – Воплощенный в мире борьбы и боли -
Как платье надевает радость или горе
750. И пьет свой опыт, как будто крепкое вино.
Он, чьё превосходство правит Просторами, наполненными смыслом,
Сейчас Пророком пребывает в глубинах наших подсознательных -
Отдельной одинокой просветленной Силой.

- Он – Абсолютный, Совершенный, Уникальный -
755. Свою немую Силу из Безмолвия призвал,
Где та лежала в тишине невыразительной, бесформенной,
Храня от Времени во сне недвижимом своём,
Невыразимое могущество уединенности Его.
Он – Абсолютный, Совершенный, Уникальный -
760. В безмолвии вступил в пространство наше:
Бесчисленным всем лицам он форму «я» в себе придал;
Своею силой Он выстроил обличье миллионов;
Он пребывает во всех тех, кто жил в его Просторе одиноком;
Его – весь космос, и только Он в нём Временем является.
765. Неуязвимый, Абсолютный, Совершенный -
Он тот, кто пребывает в нас, как сущность наша тайная,
Примерив на себя несовершенства маску.
Он сделал обитель плоти эту своею собственной,
Свой образ вбросив в человеческий размер,
770. Чтоб мы могли взрасти к Его размеру;
Затем Творец нас переплавит
В фигуру божества и замысел возложит
Бога на отливку смертного,
Тем самым возвышая жизнь конечную до бесконечия Его,
775. Соприкасая с вечностью мгновенье это.
Преображение это – земли долг небесам:
С Всевышним повязала человека взаимная порука.
Его природу мы должны примерить на себя, как Он примерил нашу;
Мы – Бога сыновья и быть должны точь-в-точь как Он:
780. Взрастить должны божественное мы в его частичке человеческой.
Жизнь наша – это парадокс, Бог – ключ к его разгадке.

- Меж тем, всё – только тень мечты, в которой
Для недвижимого и размышляющего духа
Сам он и жизнь лишь надевают выражение мифа -
785. Обремененья долгой, ничего не значащей поэмы.
Ибо ключ скрыт, его содержит Несознание;
Бог тайный пребывает за его порогом.
В теле людском, что темнотою окружает Дух бессмертный,

- Он – безымянный Обитатель, который наделяет силами незримыми,
790. А также риском непредвиденного результата
Обличья Материи и побуждения, за мыслями стоящие;
Он – всемогущее, сокрытое Влияние -
Сидит, неощутимый для обличья, в котором пребывает,
И знание своё скрывает, чтобы ум искал его.
795. Как странник в мире, созданном его же мыслями,
Среди контрастов истин и ошибок Он кружит,
Чтобы найти ту мудрость, что, по большому счету, принадлежит Ему.
Он ищет самого себя, как позабывший,
Как тот, кто свет пытается найти, потерянный внутри себя:
800. Как житель временный, что задержался в местах чужих,
Он к дому путешествует, которого не помнит боле.
«Я» собственного истину пытается найти тот, кто и есть та Истина;
Он сам – Игрок, который стал игрою,
Он сам – Мыслитель, который этой мыслью стал;
805. Он сам – те многие, что были прежде Единым бессловесным.
В обличьях символических вселенской Силы,
В её живых и неодушевленных знаках,
В сплетении событий её сложных
Он изучает чудо непрерывное – Он изучает самого себя,
810. Пока в тысячу раз большая загадка не будет решена
В одном отдельном свете всевидящей Души.
- Таким был договор с Его супругою могучей
Ради любви Её, и Он соединился с Ней навек,
Чтоб следовать по курсу временному вечности
815. Среди драм магических Её внезапных настроений,
Чтоб следовать сюрпризам Её замаскированной Идеи,
Превратностям Её бесчисленных причуд.
Нам кажется, две цели у Него, но они обе – лишь одно.
И созерцают они друг друга поверх владений Времени;
820. Дух и Материя – их и начало, и конец.
Искатель в формах жизни скрытых смыслов,
Обширной, неотмеченной ещё на картах, воли великой Матери
И примитивной, кажется, загадки земных Её дорог -
Исследователь Он и мореплаватель
825. Во внутреннем, укрытом тайной, беспредельном океане.
Искатель приключений Он и космолог
Магической земной малоизвестной географии.
По плану четкому закона для материальных Её творений,
Где кажется надежным всё, и изменение любое не меняет ничего,
830. Хотя конец и остается нам навеки неизвестным,
И вечно неустойчив жизни переменчивой поток,
Его дороги предопределяет для него безмолвная судьба;
Как остановки на пути потока веков летящих, себя являют земли твердые,
Которые прельщают и побуждают задержаться ненадолго;
835. Затем ум заставляют двигаться вперед иные перспективы,
Поскольку не приходит он к конечной точке безграничья,
Поскольку нет и убежденности последней, что может сделать передышку мысль,
И нет в переживании души конечной остановки.
Граница, дальние края, в которых никогда Он не был,

840. И совершенство то, которого пока что не достиг, к нему зывают
Из пределов дальних незримо доселе мира:
Лишь долгое начало было завершено.

- Он – мореплаватель в потоке Времени,
Неторопливый первооткрыватель вещественной Вселенной,
845. Который с жаром бросился в рождение это малое телесное
И изучал свое умение посредством крошечных частичек «я»,
Теперь рискует в бесконечьях неизведанных,
Как путешественник по океанам Вечности.
В начале этом движения по миру – исходном, отправном -
850. Его мы видим не замечающим свою божественную силу
И посвященным лишь слегка в безбрежный её промысел.
Искусный капитан непрочного суденышка,
Торговец мелкими недолговечными товарами -
Цепляется за берег он сперва и избегает всех широт,
855. И не рискует смело встретить океан далекий и опасный.
Усердно ходит он по узкому прибрежному маршруту,
И плата отмеряется ему от порта к порту,
Согласно с неизменным безопасным этим хождением по кругу -
Не ставит он на карту новое, невиданное им.
860. Но, вот, он слышит звук морей широких.
Раскинувшийся мир огромный зовет его к местам далеким
И к путешествиям под свод видений значимых,
К народам неизвестным и берегам ещё не покоренным.
Киль корабля его торгового надежно держит строй
865. И служит мировой торговле Времени сокровищами,
Срывая пену с моря, великого и окруженного со всех сторон землею,
Чтобы достичь в далеких странах той самой неизвестной гавани
И рынки там открыть для процветающих ремесел жизни
И для тюков с богатыми товарами, полотен разноцветных, статуэток,
870. Игрушек драгоценных, привезенных для детских игр,
Изделий тленных тяжкого труда,
Вещей великолепных, преходящих – добытых и теряемых во днях.
Или пройдя сквозь скальные столбы ворот,
Но не рискуя рассекать еще никем не названные океаны
875. И путешествовать в мечту о дальних далях,
Плывет вблизи он побережий незнакомых
И гавани находит новые там - в островах, штормам открытых,
Или, ведомый компасом надежным своею мысли,
Выныривает он сквозь дымку яркую, скрывающую звезды,
880. И следует маршрутами торговыми Неведения.
Корабль его несется к неоткрытым берегам,
Он открывает там немислимые континенты:
Искатель островов Благодаренья -
Он оставляет земли прошлые и дальние моря пересекает,
885. И символом его предмета поиска становится извечное;
Жизнь для него меняет временем воздвигнутые сцены,
Те образы, что застилают бесконечность.
Ограничения земные отступают, и в атмосфере окружающей
Его уже не окружает прозрачная вуаль.
890. Он пересек уже пределы мысли смертной и надежды,

- Достиг границы мира и смотрит пристально на то, что позади;
Там тела смертного глаза свой погружают взор
В Глаза, что наблюдают вечность.
Другой великий мир исследовать здесь должен путешественник по Времени.
895. Вот, наконец, он слышит пение на горних тех высотах,
И даль с ним говорит, и вырастает неизвестное пред ним:
Пересекает он незримого границы,
За грань выходит взора смертного
На виденье себя и сущего, что внове для него.
900. Он – дух в незавершенном мире,
В котором мир его не знает и не может сам познать себя:
Поверхностная значимость его безрезультатных поисков
Приобретает более глубокий смысл для внутреннего виденья;
И поиск его – это поиск света темнотою,
905. Бессмертья - жизнью смертной.
В сосуде том земного воплощения
Сквозь узкие ограды ограниченного чувства
Он наблюдает Времени магические волны,
Где ум, луне подобный, освещает мира темноту.
910. Видны там вечно уходящие от взора,
Как если б были светом прорисованы мечты неясной, призрачной,
Лишь очертания туманного загадочного берега.
Он - мореплаватель по морю Несознания бездонного -
Плывет сквозь звездный мир надежды мысленной
915. На палубе Материи к сияющему солнцу духа.
Сквозь шум и крик многоголосия земли,
Сквозь вознесенные и непостижимые безмолвья,
Сквозь странный серединный мир под небесами божьими
Идёт он к цели, установленной вне карт земных,
920. Вне всех земных меридианов, параллелей.
Зачем он сквозь неведомое держит путь, и что за миссию секретную
Доверила ему божественная Мать, никто не знает.
В сокрытой силе всемогущей её Воли,
Её дыханием ведомый сквозь вздрагивающие глубины жизни,
925. Сквозь грохот молний и безветренную тишь,
Сквозь мглу, туман, в котором ничего не видно,
Несет он на груди своей Её распоряжения, скрепленные печатью.
Позднее он узнает, открывая манускрипт мистический:
Идет ли он к пустому порту в том Незримом,
930. Или, вооруженному Её указом, ему открыт придется
Новый ум и тело в чертогах Бога
И в Его доме славы Бессмертное взлелеять,
И с Бесконечностью единым сделать всё конечное.
Сквозь горькие потерянные годы, которым несть числа,
935. Его блуждающую лодку вперед толкают ветры океанские Её:
Плеск волн космических во время этого движения
Распространяет слухи вокруг него и риск, и зов.
Он следует всегда в потоке Её силы.
Плывет он через жизнь и смерть, и через жизнь другую,
940. При этом путешествуя, и пробудившись, и во сне.
Ему присуща мощь Её оккультной силы,
Которая его связует с судьбой его творения,

- И никогда не может Путешественник могучий успокоиться,
И никогда не может прекратиться мистическое плавание это,
945. Покуда несознания сумерки не будут извлечены из человеческой души,
Покуда утро Бога не овладеет ночью человека.
Пока Природа существует, он пребывает в ней,
Поскольку, без сомнения, он и она – едины;
Ведь на груди своей хранит он её даже во время сна.
950. И кто бы ни ушел, он её не оставит,
Чтоб без неё покоиться в Непознаваемом.
Есть истина, которую познать необходимо, работа, которую необходимо сделать;
Её игра реальна - осуществляет он некую Мистерию:
В космическом непостижимом капризе Матери есть план,
955. Намерение в её игре обширной и случайной.
Она всегда его обдумывала – с первого рассвета жизни,
И волю эту постоянную скрывала своей игрой,
Чтоб Личность пробудить в безличной Пустоте
И Светом Истины сразить тяжелые земные корни транса,
960. Чтоб разбудить «я» спящее в глубинах неосознающих,
И Силу воскресить потерянную в сне змеином этом,
Чтобы из Времени могли смотреть глаза Извечного,
А мир смог проявить божественную явь.
Ибо для этого он вечность свою чистую оставил,
965. И плоти ношу тяжкую он возложил на дух,
Чтоб семя Божества смогло цвести в Пространстве, разума лишенном.

Конец Песни четвертой

Песнь пятая

ЙОГА ЦАРЯ:

ЙОГА СВОБОДЫ И ВЕЛИЧИЯ ДУХА

- Он знание это получил впервые от обычных смертных.
Допущенный преодолеть завесу, скрывающую светлый ум,
Которая парит меж нашей мыслью и абсолютным зрением,
Он обнаружил дверь мистическую в мир оккультный,
5. Что существует рядом с родником предвиденья в душе,
И заглянул туда, где пребывают Крылья райского блаженства -
В пространство молчаливое, в котором всё известно изначально.
К сомнениям разным и всяким убеждениям безразличный
И алчущий единственно реального, открытого толчка,
10. Он узы разрубил ума, что оплетают сердце человека,
Отбросив прочь ярмо материального закона.
Не связывали силы духа теперь привычки тела:
Хотя жизнь прекратила своё биенье, не вторглась смерть в него -
Отважился он жить, когда дыхание с мышлением затихли.
15. Так смог шагнуть он в то магическое место,
Которое увидеть вряд ли можно торопливым взглядом,
На миг лишь отвлеченным от трудных дел ума
И взора бедного земной природы.
Всё, что познали Боги, здесь было всем известно.
20. Здесь, в зале сокровенном, закрытом и безмолвном,
Хранятся рукописи все без исключения вселенского писца;

- Есть там скрижали и священного Закона,
И указатель Книги Бытия.
Присутствуют там тексты и глоссарий правды Вед.
25. Там ритмы и параметры движений звезд,
Что знаменуют все движенья человеческой судьбы:
Те значимые силы чисел и форм земных,
Тот тайный код истории людского мира,
Соотношение Природы и Души
30. Записаны во глубине таинственного сердца Жизни.
Здесь в проблесках пространства памяти людского духа
Он мог восстановить те проливающие свет заметки на полях
Двусмысленного, неразборчивого свитка, записанного световыми точками,
Спасти преамбулу, а также исключаящую оговорку
35. В том темном Соглашении, при помощи которого царит всё то,
Что поднимается из сна Природы материальной,
Чтобы в другие, новые одежды облечь Предвечного.
Он мог перечитать сейчас и заново истолковать в том свитке всё:
Причудливые символы, разрозненные, трудные для понимания знаки.
40. Он мог растолковать пророчество и парадокс оттуда,
Загадочные фразы и выраженья безрассудные,
Глубокий остроумный смысл противоречий в повторах истины
И распознать законную необходимость
Условий тяжких могучей той работы -
45. Тяжелый невозможный геркулесов труд Природы
В жизнь претворить могли лишь магия искусства Её мудрого,
Закон противодействия богов
И весь набор противоречий неразрывных.
Великая, в безмолвьи пребывающая, Мать,
50. Используя в своём вселенском трансе для сотворения радости и горя
Санкцию Вечности на некое рождение формы,
Неудержимо принимает для исполнения работы
Решимость, чтобы в неосознающем мире познавать,
Решимость, чтобы жить под властью смерти,
55. Неутомимое стремление к восторгу в сердце плоти
И исполняет с помощью явления души
При чудодейственном рожденьи в плазме космоса
Таинство соглашения Бога с Ночью.
Космический безмолвный Ум услышал еще раз
60. То обещание Предвечного своей творящей Силе,
Что к жизни вызвало срасти господни мира,
Крик смертного рождения,
А также начертало первый стих трагедии во Времени.
Из тех глубин возникла похороненная тайна мира;
65. Вот, Ашвапати прочитал указ, хранимый
В архивах тайника души, закрытых прежде,
И рассмотрел и подпись, и печать в нём огненную Мудрости
На выполняемой покрытой тайною работе трудноразличимой Силы,
Которая в самом Неведении ступени Света строит.
70. Бессмертные глаза открыло божество, доселе спящее:
Увидел он бесформенную мысль в бездушных формах,
Познал Материю, несущую во чреве ощущение духовное,
Ум, что посмел Непознаваемое изучать,

- Дитя Златое, которое вынашивает Жизнь.
75. В мысль, с её чистой пустотой, струился свет,
Передающий замысел вселенной знаками души -
Он изнутри читать стал мира внешнего писание:
Загадка потеряла свое смутное обличье и прояснилась.
Важнейшую страницу озарило сияние свыше.
80. В причуды времени намерение вмешалось,
Замысел встретил ковыляющую поступь Случая,
И обнаружила Судьба некую связь событий Воли, способной видеть;
Пространство прежнее немое наполнилось сознанием безбрежным.
В той Пустоте увидел он всеведущего Вседержителя на троне.
85. Желание, безмерная надежда охватили его сердце в тот момент,
И чтобы разглядеть сверхчеловека форму,
К незримым и духовным высям глаза он поднял
В стремлении опустить на землю мир великий.
Должны были стать ему домом небеса, что промелькнули пред его глазами.
90. Ярчайшее божественное солнце без сомненья вскоре озарит
То помещение сумрачное с его лестницею темной внутренней,
Душу ребенка в детском крохотном саду
Среди предметов для занятий, постигаемых с трудом,
Душу, которая перерастает ранние основы интеллекта
95. И имитацию искусства земной Природы,
Свой диалект земной меняя на язык от Бога,
Исследуя Реальность в знаках бытия
И изучая логику божественного Бесконечья.
И этот Идеал стать должен повседневной истиной Природы,
100. Людское тело - озариться Богом, пребывающем внутри,
Сердце и ум - почувствовать единство с миром сущим,
Душа осознающая - жить в мире осознания.
Как будто сквозь туман пик высочайший показался,
Величие проявилось вечно существующего Духа,
105. Который в некий фрагментарный мир был изгнан,
В среду неких подобий божественных явлений.
Подобья эти больше не могли служить преображенью царственному Ашвапати;
Гордость Бессмертного отвергла роковой удел
Жить скрягой, заключившим слишком скупую сделку
110. Между ничтожностью наших земных надежд
И сострадательностью необъятных Безграничий.
Достигнутая им высота отвергла слабость состояния земного:
Неудовлетворенная таким ограничением, широта
Отпрянула от жалкого согласия с условиями Природы,
115. С презрением отвергла неприятный сокращенный договор.
Исполнены в нём были начала только;
И кажется, что лишь была заложена Материи основа -
Основа лишь машины абсолютной, без души.
Иль всё казалось подогнанным из половинчатых идей,
120. Иль мы тискаами обличия земного зажали
Несовершенный торопливый проблеск божественных явлений,
Догадок и искажений небесных форм.
Отсортировывает хаос сам себя здесь в некий мир -
Недолговечную структуру, дрейфующую в пустоте:

125. Обрывки знаний и искры силы, не раскрывшие себя,
Краткие вспышки красоты в земных недолгих формах,
Отображения единства разрушенной Любви
Плывут, как будто «зайчики» зеркальные от солнца в небе.
Скопления густые незрелых пробных жизней
130. Увязаны всецело в мире мозаичном, нашем.
Нет совершенного ответа на наши упования;
Есть лишь безмолвные слепые двери без всякого ключа;
Напрасно мысль стучится и свет себе присвоенный несет,
Сердца, обманутые фальшью, что нам всучили на рынке жизни,
135. Цепенеют, представ перед утраченным божественным блаженством.
Есть грубый корм, чтобы насытить ненасытный ум,
Есть трепет нашей плоти, но нет волнения души.
Здесь даже тот восторг глубокий, который может Время дать,
Является лишь подражанием блаженству, что не познано умом,
140. И искаженным извятием экстаза,
Счастьем израненным, которое не может с этим жить,
Мгновением коротким радости ума иль восприятия,
Подброшенного вселенской Силой телу – её рабу,
Или подобием восторга, навязанного нам
145. Неведением в его сералях.
Ибо всё то, что мы приобрели, быстро теряет цену
Как старый обесцененный кредит в банке у Времени,
Как чек несовершенный, который Несознанием подписан.
Усилие любое, чтобы что-то сделать, сопровождает нелогичность,
150. И хаос ожидает каждый космос, сформированный уже:
Зерно провала скрывается в любом успехе.
И Ашвапати видел сомнительность всех обстоятельств здесь,
И неопределенность мысли человека, самонадеянной и гордой,
И мимолетность достижений его силы.
155. Он – человек разумный в неразумном мире,
Он – остров в море Неизвестного,
Он – малость, что пытается великой быть,
Животное с врожденной интуицией от бога.
Вся жизнь его – история, слишком обычная для пересказа,
160. Дела его – суммируя их вместе, дают пустяк, ничто,
Сознание его – светильник, зажженный, чтобы потом угаснуть,
Его надежда – лишь звезда над колыбелью и могилой.
И всё ж судьба великая стать может и его судьбою,
Поскольку вечный Дух есть его истина.
165. Он может заново создать себя и окружение своё,
И мир, в котором он живет, сформировать, как нужно:
Во Времени – невежда он, вне Времени – сам Знающий,
Он есть то «Я», что выше и Природы, и Судьбы.
- И отстранилась его душа ото всего, что сделал он.
170. Умолк назойливый и бесполезный грохот от труда людского,
Дней непрерывный кругооборот отброшен;
Затихло в отдалении многоголосие шагов всей жизни.
И лишь Безмолвие осталось его единственным партнером.
Бесстрастный, стал свободным он от всех земных надежд -
175. Фигурю в обители незримого Свидетеля,

- Которая шагами измеряет обширный зал собора его мыслей,
Лелея в небо устремленные невидимые крылья,
Под сводами, что смутно различимы в бесконечном.
Зов был ему из тех высот непостижимых;
180. Нейтральный к небольшому поселению Ума,
Он в царстве пребывал обширном самого Предвечного.
Всё существо его сейчас превосходило Пространство, мыслимое человеком,
А мысль его, лишенная оков, космическому виденью ближней стала:
Вселенский свет объял его глаза,
185. Сквозь мозг и сердце золотой поток струился,
И в члены тела смертного божественная Сила низошла
Потоком из морей Блаженства вечных;
Он ощутил несказанную радость от этого пришествия.
Всеведущим Экстазом привлечённый,
190. Осознающий свой Источник тайный, всемогущий,
Живущий ныне центр Безграничья
Расширился, чтоб равным стать со всем окруженьем мира, -
Так Ашвапати развернулся к своей судьбе духовной.
Исчезли под его ногами вершины всей земной природы,
195. Как будто некие картины, оставленные на холсте нестойкого эфира,
В чьём колебании далеко, затухая, теряются они -
Взобрался выше он, чтоб встретить Беспредельность.
Океаническая тишь Недвижного взирала за его подъемом:
Был он стрелой, через вечность пущенной
200. Внезапно из тугого лука Времени,
Лучом, что возвращается к родительскому солнцу.
Противник этого движения к свободе -
Дракон Неосознания черный – размахивал своим хвостом,
Бичуя силой дремлющее Бесконечье
205. В затмениях глубоких некоей формы:
Пред Ашвапати лежала Смерть, похожая на те врата, что в сон ведут.
Нацеленный лишь на Блаженство чистое
И алчущий добыть лишь Бога,
Взбирался он к Нему, пылая конусом огня.
210. Освобождение божие такое дается лишь немногим и нечасто.
Один среди многих тысяч, прежде незатронутых
И поглощенных только внешним планом мира,
Был избран тайным Оком очевидца,
И указующий перст Света лишь его ведет
215. Сквозь безграничия души, не нанесенные на карту.
Паломник он предвечной Истины,
И нам не охватить его безмерный ум;
Ушел от голосов он ограниченного царства,
Покинув однопутную во Времени дорогу бральной жизни.
220. Ступает он в преддвериях Незримого,
В пределах молчаливых обширнейшего плана
Или старается услышать, следуя Советчику бесплотному,
Клич одинокий в безграничной пустоте.
Глубокий рокот космоса стихает,
225. Он остается в тишине, которая царила до рождения мира,
С душою, обнаженной пред Единым, который существует вечно.
Вдали от неудержного влечения к предметам сотворенным

- Мысль и её кумиры исчезают,
Шаблоны для творенья форм и личностей не существуют:
230. Здесь Ширь невыразимая осознает его, как самоё себя.
Земли предвестник одинокий, идущей к Богу,
Он путешествует, чтоб встретить то, что невозможно передать словами,
Ступает он среди символов, еще не сформированных явлений, наблюдаемых
Закрытыми глазами молчаливых Нерожденных,
235. Прислушиваясь к эху одиноких своих шагов
В дворах извечных Уединенности божественной.
Остановившееся время наполнено невыразимым Чудом.
Его дух смешивается с сердцем вечности
И на себе несет безмолвье Бесконечья.
240. С божественном уходе от бранных мыслей,
В поступке необычном виденья души
Тянулось существо его в непроторенные высоты,
Отбросив одеяние своё людское.
Взрастало существо; чтоб встретить Ашвапати чистым и открытым,
245. Вниз Нисхождение могучие отправилось. Мощь, Пламя,
Красота, бессмертными глазами видимая лишь наполовину,
Неистовый Экстаз, внушающая ужас Сладость
Окутали его своими колоссальными крылами,
Проникли внутрь нервов, сердца, мозга,
250. Затрепетавших, ослабевших от Явления этого:
От хватки незнакомой содрогнулось всё естество его.
В момент, который короче смерти, но длиннее Времени,
Какой-то Силой, которая безжалостней Любви, счастливей Рая,
Беспрекословно взятое в божественные руки,
255. Влекомое неистовым блаженством и понуждаемое им,
Потоком ураганной силы и восторга
Гонимое в немислимые глубины
И возносимое в безмерные высоты
Оно из лап смертельных Смерти было вырвано
260. И изменению беспредельному подвергнуто.
Всеведущий, который знает всё, не глядя и не рассуждая,
Не поддающийся познанию Всемогущий,
Мистическая Форма, которая миры в себе способна содержать,
В обитель страстную свою вмиг превратила душу Ашвапати,
265. Чтоб поиск одиночества его привел
К значениям объятья Бога.
И, вот, когда вневременное Око свело на нет часы,
Тем самым упраздняя деятеля вместе с действием,
Его дух широко и абсолютно безупречно заблистал:
270. Ум пробудившийся его стал чистой грифельной доскою,
Поверх которой мог писать сам Бог - Всемирный и Единственный.
Всё то, что угнетает наше падшее сознание,
Было оставлено, как груз забытый:
При этом пламя, что казалось телом бога,
275. Просто поглотило все ограниченные образы из прошлого,
Для жития обширное оставив место «я» новому.
Прикосновение Вечности разрушило шаблоны чувств.
Всем его телом овладела неземная сила,

- Гигантская работа оголила оболочки тела, скрытые от глаз,
280. Энергии вмещались необычные, и мощные, невидимые глазу, руки
Мгновенно открутили тройную цепь ума и отпустили на свободу
Всю широту небесную вниманья Божества.
Как с помощью одежды достигают образа её владельца,
Так с помощью материальных форм достигли Абсолюта скрытого
285. Космическое чувство Ашвапати и трансцендентный взгляд его.
Сильнее и возвышеннее стали эти инструменты.
Своя увеличительная линза пропала у иллюзии;
Как только из её слабеющей руки мерило выпало,
Мельчайшим стало то, что принимало угрожающий размер.
290. Распался узкий обруч, которым эго ограничивало дух;
В открывшихся пред ним пространствах «я» громадных
Тело его сейчас казалось лишь переходной личиной,
А ум – крыльцом наружным какого-то бессмертного жильца,
Крыльцом, раскрашенным бесчисленными фресками:
295. Дух Ашвапати ощутил сверхчеловека дуновенье.
Лишенное свободы божество прорвало ограждение колдовское.
Обрушились как будто бы под грохот грома и моря рокот
Глубокие барьеры, что стояли на пути невероятного исхода.
Так неизменно существующие вместе с этим миром
300. Конец и цикл жизни у любой надежды и труда любого,
Вобравшие неумолимо внутрь себя и мысли, и дела,
Все жестко закрепленные ограничения,
Изгладились под поступью того, кто воплотился в Ашвапати.
Покров зловещий сверху и бездонный склеп внизу,
305. Между которыми веками мечутся и жизнь, и мысль,
Неясные, внушающие страх границы которых пересекать еще запрещено,
Страж темноты, немой и грозный,
Который властью наделен держать бескрылый дух
В пределах лишь Неведенья, Ума людского, -
310. Они, не защищающие больше двойственную вечность,
Исчезли, аннулируя свою чудовищную роль:
Немедленно фигура круга тщетного, замкнувшего творение земное,
Фигура, расширяющая ноль, утратила гигантский свой изгиб.
Все старые несокрушимые запреты сняты были:
315. Побеждена была земля, отменено Природы правило отжившее;
Питоньи кольца её Закона, ограничительного для людей,
Сдержанье не в состоянии были стремительно поднявшегося Бога:
Упразднены были сценарии Судьбы.
Не стало больше малого творения, которого преследовала смерть,
320. Ни хрупкой формы существа, оберегаемого
От Безграничья, которое всё растворяет в себе.
Сильнейшие удары сердца мира, что затаилось в глубине его,
Как будто молотом взломали узкие плотины, хранившие нас
В безопасности от сил вселенной.
325. Душа и космос встретились лицом к лицу, как силы равные.
Неограниченное существо в неизмеримом Времени
Заполнило Природу бесконечностью;
Диапазон неограниченных возможностей Титана увидел он в себе тотчас.

Открылось всё теперь всевидящему оку Ашвапати.

330. Природа тайная, с которой сняли всю ее защиту,
Внушавшая когда-то опасения в страшном полумраке,
Застигнутая им в своем уединении полном,
Лежала неприкрытой пред пылающим сверканием его воли.
В палатах призрачных, залитых странным солнцем
335. И открываемых с трудом таинственными скрытыми ключами,
Её рискованные тайны и замаскированные Силы
Признали полностью пришествие Ума, овладевающего ими,
И покорились человеческому взгляду.
Неисчислимая в своих волшебных формах,
340. Непобедимая и быстрая во всех делах,
Природы сила тайная, присущая мирам великим,
Что возвышаются над полем действий нашим бедным ограниченным,
И привилегия оккультная полубогов,
И безошибочная форма мощи Её тайных знаков,
345. Её рисунков той геометральной силы,
Потенций Её божьего, наполненного чудом промысла,
Внимания добивались Силы, вскормленной землею.
Сознательной Природы животворный механизм
Вооружил не проявлявшимся до этого сверканием чуда
350. Пророческую страсть предвидения Ума,
Молниеносную открытость силы свободной, независимой души.
Что ранее считалось невозможным, отныне стать могло
Возможного естественною ветвью,
Владением новым высочайшей нормы.
355. Всесильный оккультист в Пространстве воздвигает
Мир этот внешний, видимый, который в заблужденье вводит чувство;
Он нити тайные сознания сплетает,
И для энергии своей, лишенной формы, сооружает он тела;
Создал уже Он из пустого и аморфного Безбрежья
360. Чарующее волшебство материальных изваяний,
Магию цифры и расчетов, способных саморазвиваться,
Те жесткие, противоречащие смыслу связи, которые никто не может отменить,
Тот самый спутанный клубок невидимых законов;
Все правила надежные его, все скрытые его процессы
365. Неизъяснимого творенья без ошибок достигают там,
Где каждая ошибка наша возделывает мертвые структуры
Знания во славу яркого активного невежества.
По прихоти своей таинственной, далекой от Создателя законов,
Природа также полновластно, как и Он, творит свои поля
370. И проявляет волю, которая неясные просторы образует,
Тем самым делая конечное из бесконечности Творца;
Она в своем чудачестве старается порядок тоже сделать,
Поскольку опрометчивая гордость её рискнуть решила,
Чтобы превзойти космические тайны скрытого Создателя.
375. Стремительная поступь яркой фантазии Природы,
Благодаря которой чудеса возрастают как цветы,
Всегда вернее разума, искуснее любого механизма,
Быстрее крыльев воображения.
Она преобразует всё вокруг словом и мыслью,
380. Материю любую покоряя своей волшебной палочкой Ума.
Ум есть посредник между богом и землей.

- Весь труд Природы могут отменить энергии его:
Ум может приостановить и изменить закон земли реальный.
Сломав вгоняющую в сон печать земной привычки,
385. Он может разорвать Материи стальную хватку;
К разгневанному пристальному взгляду Смерти безразличный,
Он может обессмертить труд короткого момента:
Простое указание его разумной силы,
Случайное воздействие его согласия легкого
390. Освободить способно спящую Энергию, которая заключена
Внутри его покоев мистического транса.
Ум делает сон тела оружием могучим,
Остановиться заставляет он дыхание, биенье сердца,
Пока незримое не найдено и невозможное не сделано ещё;
395. Передает он мысль без всяких внешних средств и слов.
Он изменяет события любые своей безмолвной волей,
Воздействует на расстоянии, ничем не прикасаясь ни к чему.
Он может высветить пророка взором
Жизнь эту низкорослую, Невежество громадное,
400. А в теле нашем пробудить и демона, и бога,
Вызвать вакхический восторг и возбудить Неистовство,
Всесильного с Всеведущим призвать,
Восстановить забытое внутри любого Всемогущество.
Сиятельный владыка на плане своем собственном,
405. Ум может быть царем и в этом косном царстве:
Логическая схема его полубожественного замысла
Через короткое мгновение приносит
Творенья неожиданные действия, не достигавшиеся прежде
Необычайным подсознательным умением Материи.
410. Всё – чудо здесь и может чудом измениться.
Это и есть хребет могущества Природы тайной.
В краю великих нематериальных планов,
В царствах неограниченного триумфа силы,
Где Ум – хозяин жизни и её обличья,
415. И замыслы свои душа осуществляет собственной силой,
Природа медитирует над словом Господа и смотрит
На невидимые связи, которые соединяют разлучённые поля вселенной.
Для посвященного - того, кто соблюдает её законы,
Несет Она оттуда свет своих непостижимых царств:
420. У ног его здесь распростерся мир,
И ум его больше не ввергнут в матрицу Материи,
Через границы этих царств струит вселенская Природа
Потоком величайшей силы течения магические эти
И формулы огромной важности журчания течений тех,
425. Пока и небеса, и ад не станут поставлять на землю свои богатства,
Пока рабыней смертной воли не станет вся вселенная.
Посредница богов сокрытых, безымянных,
Которые своей потусторонней волей влияют на человеческую жизнь, -
Природа, имитируя решения Всемирного Волшебника,
430. Сама изобретает рамки, чтобы самоограничить свою свободу воли,
И сочиняет для своих магических причуд связующее основание.
Миры все делает она партнерами своих деяний,
Сообщниками своего могучего насилия,

- Своих прыжков бесстрашных в невозможное:
435. Из каждого источника она взяла свои искусно созданные средства.
Она притягивает из союза планов, который был свободно и с любовью создан,
Все элементы для проявления силы своего творения:
Необычайное плетение непредсказуемого знания,
Собрание искусств божественных изобретений
440. Она смешала вместе, чтобы сделать нереальное реальным
Иль просто угнетенную реальность освободить:
На острове своём неогороженном, чудесном, как у волшебницы Цирцеи,
Где вперемешку всё, она пасёт свои оккультные могущества;
Искусство помнить Бесконечности любое мастерство,
445. Отсеянных капризов подсознания потоки,
Пометки магии, принадлежащей подсознательному плану,
Свобода суверенной Истины, не связанной законом,
Мысли, что были рождены в мире Бессмертных,
Пророчества, что вспыхивают над святыней,
450. Предупредительные знаки от гласа сверхъестественного внутреннего
И проблески молниеносного предвидения,
И откровенья внутреннему слуху,
И абсолютные и мощные вмешательства внезапные,
Необъяснимые деянья Сверхсознания
455. Соткали паутину гармоничную чудес
И призрачную технику искусства колоссального Природы.
Причудливое царство это стало заботой Ашвапати.
Природа больше любит тех, кто стойко противостоит её воздействиям:
Свои огромные владения и знание свое, и силу
460. Она отдала, подчиняясь, с неохотным восхищеньем;
Она саму себя отдала ради восторга, ради пользы.
Освобожденная от странствий по колеям глубоким,
Она вновь обрела те истинные цели, ради которых была создана когда-то:
Природа повернула против зла, которому когда-то помогла,
465. Гнев машинерии своей, свои невидимые средства подавления;
Свои опасные причуды и силу своевольную свою
Она отдала целиком служению душе
И руководству духовной воли.
Так деспот более великий усмирил Природы деспотию.
470. В защитной цитадели собственного «я», врасплох застигнутая этой волей
И побежденная неожиданным собственным царем,
Отдавшая свой долг и искупившая его своим служением,
Природа отступила, в экстазе победителю предавшись.
Пришлось открыть ей герметично запечатанную мудрость
475. И предъявить фрагменты тайны всемогущества.

- Сила оккультная – Природа - является хозяйкою границы.
Как страж порога между Запредельем и Землей,
Она распределяет по каналам энергию от вспышек Бога
И прорезает сквозь перспективы взгляда интуиции
480. Мерцающих открытий длинный путь.
Миры Неведомого чудного лежали рядом,
А за Природой этой невыразимое Присутствие стояло:
Царство её приобрело влияния мистические их,
К её ногам их силы львиные припали;

485. Там, за дверями тех неведомых миров спит будущее человека.
На всем пути души зияли адские провалы,
Но провидение божественное звало её к горним высям:
Полёт рискованной Мысли и бесконечное движение вверх
Без усталости пленяли исследовательский ум,
490. А очарованное ухо искушали бесчисленные голоса;
Миллионы образов вдруг приходили и исчезали навсегда.
Таким передний край был Бога здания, тянувшегося ввысь на сотни этажей,
Таким начало было того наполовину скрытого Незримого:
Крыльцо волшебное мерцающего входа,
495. Что трепетало в полумраке потайного Света,
И двор мистического перекрестка всех миров,
И на фасаде удивительного дома – балкон.
Над ним свет испускали необъятностей высоты;
Из Безграничия выглядывало всё Неведомое человеку:
500. Оно там поселилось на острие остановившегося Времени,
Поглядывая вниз из постоянного и вечного Сейчас.
Это Неведомого тени отражают рождение богов,
Его тела нам говорят о Бестелесном,
А лбы его сверкают Сверхдушою,
505. Все его формы воплощают Непостижимое само,
Его глаза мечтают о Невыразимом,
А его лица в вечность пристально глядят.
Жизнь распознала в Ашвапати план задний, подсознательный, огромный;
К невидимым Просторам планы малые передние раскрылись:
510. Водовороты жизни обнажились, вдали же воссияли трансцендентности её
В прозрачностью наполненном свечении.

- Понятным стало построение огромное, в котором
Ограниченное вещество наших материальных жизней
Является всего лишь кистью внешней, лишь широкой бахромою.
515. Эта вселенная, что взорам нашим явлена, чьи образы скрывают тайны,
Исчезнувшие ныне в свете сверхсознательном,
Своим светящимся ярчайшим шрифтом начертала посланье ясное:
Карта условных тонких знаков немислимых значений,
Была повешена на стену глубоко внутри ума.
520. Преобразуя мира образы конкретные
Сиянием своим в многозначительные знаки,
Она явила интуиции истолкователя
Своё отображенье вечно существующей Мистерии.
Влекомые и вниз, и вверх меж полюсами жизни,
525. Все царства разного по уровню Закона,
Выныривали друг за другом из Вечности во Время,
Затем нарадовавшись гордостью обширного ума,
Обогадившись приключением, восторгом жизни,
Упаковавшись красотой образов Материи и красотой Её оттенков,
530. Из Времени они обратно устремлялись в неумирающее «Я»,
Взбираясь вверх по лестнице золотой, несущей душу ввысь
И нитями алмазными связующей все Духа крайности.
В падении том от одного сознания к другому
Каждое царство опиралось на подсознания оккультную энергию,
535. Основу нужного для этого Неведения, которое само является

- Архисоздателем пределов, внутри которых и живет.
Во взлете том от одного сознания к другому
Каждое царство шло к Тому, кто породил его,
К источнику всего, чем было оно некогда,
540. К пристанищу всего, чем может еще стать оно.
Диапазон органнй, широчайший тех деяний Вечного,
Деяний, подвигающих к вершине, что лежит в Покое безграничном,
Шаги чудесного движенья, явленные многолико,
Как предначертанные стадии эволюционного Пути,
545. Мерила высоты, подъема той возрастающей души -
Они существованию раскрыли его замысел великий
И, будучи связующим звеном между паденьями и взлетами,
Объединили противоположности, скрепленные союзом брачным, скрытым,
И зафиксировали связь с Невыразимым его творения.
550. Последний высший мир стал виден там, где все миры встречаются друг с другом;
Во вспыхнувшем луче его, в котором не было ни Сна, ни Ночи,
Свет пробудился высшей Троицы – Сат-Чит-Ананды.
Всё то, что ищут, в нём сейчас открылось.
Мир тот освободил конечное в безмерности,
555. Возвысил в свои собственные вечности.
И Несознание нашло в себе сердце сознания,
Чувства и мысли, бредущие в Неведении наощупь,
С неистовою страстью сразу ухватились за тело Истины,
Рожденная в безмолвиях Материи, божественная музыка
560. Мгновенно извлекла и обнажила из непостижимости Невыразимого
Тот замысел, что содержался в нём, но быть озвученным не мог;
Ритм совершенный, о котором только изредка мечтают,
Принес ответ изголодавшейся потребности израненной земли,
Раскалывая ночь, которая сокрыла Неизвестное,
565. И принося земле её забытую, потерянную душу.
Великое решение закрыло долгий путь в тупик,
Который останавливал стремление к высотам смертного создания.
Всепримиряющая Мудрость глянула на жизнь;
Она собрала все стремящиеся ввысь полутона ума,
570. Смущенный, озадаченный припев людских надежд
И сделала из них счастливый благозвучный зов;
Она подняла из подземелья боли
Бессвязный шепот наших жизней
И отыскала в нем безграничный величайший смысл.
575. Могучее единство – её навечно выбранная тема.
Она поймала слабые разрозненные возгласы души,
С трудом читаемые между строк негибкой косной мысли
Иль слышимые как бормотания бессвязные во сне
И в состояния апатии, среди дремоты на груди у Матери;
580. Она сгруппировала золотые звенья, утерянные в бормотании этом
И показала их божие единство им самим,
Спасая от ошибки, разрушающей единство «я» с Всевышним,
Таинственный духовный зов во всём, что существует.
Огонь всегда пылающего Откровения
585. И Гласа вечного бессмертность, и абсолютность Света –
Вот, именно они и вдохновили все великие Писания,
Которые с усердием глубоким стремились выразить Единого.

- Там больше не было вражды меж истиной и истиной;
Та бесконечная глава различий между ними,
590. Что в свете пересказана была всеведущим Писцом,
Вела через различие к единству,
Ума извилин поиск утерял налёт сомнения,
Ведомый к своему концу речью всевидящей,
Что облачает мысль исходную и верную
595. В законченность финальной фразы:
Там Времени склоненье и спряженье были
Едины с синтаксисом и со стилем Идентичности.
Победы песнь взрастала из задумчивых глубин;
Экстазам Триединого⁹ был посвящен звенящий гимн,
600. Блаженству Вечного – мольба мгновений.
Подобно строфам из вселенской оды,
Гармоний восходящих иерархия,
Наполненная гласами и ликами,
В божественном крещендо устремлялась
605. Из бездн Материи к вершинам Духа.
Там, в небесах сияли постоянством поместия Бессмертного
И праздных времяпровождений с вечностью палаты светлые,
И колоссальные, огромной важности врата Единственного.
Сквозь череду морей «я» Ашвапати
610. Проглядывали страны вечные Единого.
Там, пребывая в чудесах, Сознание развернуло перед ним
И цель глубокую, и ход развития, и нормы, не стесненные оковами -
Великие знакомые дороги обширнейшей Природы.
Освободившись от теней земного чувства,
615. Мельком взглянул он на материи могущества, лежащие в покое;
Страна родная красоты, сокрытая от глаза человека,
Едва заметная сначала сквозь веки чуть открытые к мерцаньям чуда,
Нежданно удивила виденьем счастья.
Здесь солнечные сферы знания и лунные - восторга
620. Распростирались в иступлённом восторге шири
Гораздо дальше сферы обитания обычного людского тела.
Он смог войти туда, там пребывать недолго.
Как мореплаватель, плывущий по маршрутам неизведанным,
Который путешествует через громаднейшие царства,
625. Встречая на пути незримую опасность Неизвестного,
Ворвался он в другое Время и Пространство.

**Конец Песни пятой
Конец Книги первой**

---

⁹ Здесь Триединый – это Сат-Чит-Ананда.